

ЗАВЕЩАНИЕ

Джоанна Маргарет

Жизнь как приключение

Джоанна Маргарет

Завещание

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Маргарет Д.

Завещание / Д. Маргарет — «Издательство АСТ»,
2022 — (Жизнь как приключение)

ISBN 978-5-17-151052-7

Старинные университеты полны мрачных тайн Когда аспирантка Изабель приезжает на учебу в университет Шотландии – в тихий городок с флером Средневековья, то с удивлением узнает, что ее научный руководитель погибла при странных обстоятельствах. А вскоре исчезает ее подруга по учебе Роза. Спустя время девушка получает закодированное сообщение: Роза жива, но похищена, и Изабель должна завершить исследование, начатое подругой, иначе обе будут убиты. Все преступления связаны с легендой об огромном проклятом изумруде, который когда-то планировался в подарок Екатерине Медичи. Распутывая одну ниточку за другой, Изабель отправляется во Флоренцию и Париж, погружаясь в атмосферу средневековых семейных тайн с предательствами и изменами. Удастся ли ей собрать воедино все кусочки пазла, чтобы разгадать тайну исчезнувшего изумруда четырехсотлетней давности и при этом спасти жизни себе и подруге?

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-151052-7

© Маргарет Д., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	22
Глава шестая	25
Глава седьмая	32
Глава восьмая	34
Глава девятая	41
Глава десятая	44
Глава одиннадцатая	48
Глава двенадцатая	51
Глава тринадцатая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джоанна Маргарет Завещание

Посвящается Джойс

Жизнь как приключение

Joanna Margaret The Bequest

Печатается с разрешения Penzler Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Перевод с английского *Аделии Зубаревой*

© 2022 by Joanna Margaret

© Зубарева А., перевод, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

Она закрыла глаза и сделала несколько шагов к краю. Не было нужды убежать. Пока не было. Холодный, колючий ветер свистел в ушах.

Хрустнула ветка, и она ощутила за спиной чье-то присутствие. Потом услышала слабый запах знакомого одеколона, открыла глаза и обернулась.

– Ты меня напугал, – сказала она и подалась вперед, разглядывая раскинувшиеся внизу темно-зеленые кустарники и синевшую вдалеке полосу моря. Они были совершенно одни, если не считать несколько чахлах деревьев.

– Мне было интересно, какой отсюда открывается вид.

Она опустила руки и постаралась смягчить тон:

– И как тебе? Нравится?

– Очень. Но разве ты не слышала прогноз погоды? Надвигается шторм. Будь осторожнее. Все может измениться. Очень и очень быстро.

Она взглянула вверх, на тучи – тяжелые, набухшие влагой.

– Я подумала, что часик-другой на свежем воздухе помогут проверить голову. А еще я кое-кого жду. Он прибудет с минуты на минуту.

Раздался смешок.

– Сегодня очень ветрено, а ты стоишь слишком близко к краю. Давай поищем местечко потеплее, где можно будет поговорить. – Она не шевельнулась. – Ты обдумала мои слова?

– Да.

– И что?

– Я не могу. Не могу этого сделать. Мне жаль.

Резкий порыв воздуха взметнул ее волосы, хлестнул ими по лицу.

– Ничего страшного. Я все понимаю. Ты говорила кому-нибудь о том, что видела?

Она отступила на шаг.

– Обещаю, никто не причинит тебе вреда. Но мне нужно знать правду.

– Конечно не говорила. – Над ними клубился густой туман. Совсем скоро она перестанет видеть горизонт. Она собрала волосы в пучок и обернулась. – Ты поладишь с моей новой ученицей. Она способная девочка. Гений. Она может помочь. С... чем угодно.

Лоб покрылся холодной испариной. Она развязала шерстяной шарф, и обнаженная кожа горла покрылась мурашками – от страха. Она поняла: уже слишком поздно. Она прижала руку к щеке, чтобы перестать стучать зубами.

– Я просто хочу поговорить. – Голос был полон нежности и звучал успокаивающе. – Не бойся. Ты мне небезразлична, и я с уважением приму любое твое решение.

Она подошла ближе.

– И ты знаешь, что я чувствую.

Безмолвное сопротивление – и сильный толчок.

– Пожалуйста, – пробормотала она по-французски, уже стоя на четвереньках. – Пожалуйста. Мне очень жаль.

Второй толчок, короткий вскрик, растворившийся в шуме волн и ветра, – и она сорвалась с края уступа и вместе с мелкими камешками устремила вниз, навстречу скалам.

А потом воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра, который перебирал тонкие ветви чахлах деревьев, и звуком шагов – неторопливых и легких.

Часть первая

Глава первая

Перед приездом в Сент-Стивенс я каждую ночь видела его во сне. Я воображала величественные здания, и эти картинки накладывались на образ мифического Бригадуна – шотландского острова, который появляется раз в столетие. Порой я была в своих снах одна, порой – с Розой, только я была Розой, а она – мной.

Роза Брюстер.

– Меня зовут Роза, как цветок, – обычно говорила она, представляясь под громкую музыку на вечеринках. Мы не виделись после выпуска, но я прекрасно помню, как перед экзаменационной неделей мы не спали целую ночь, делили на двоих пачку «Мальборо Лайт» и, сидя в общей комнате, забрасывали друг друга вопросами из билетов. Роза отвечала без запинки даже после трех часов ночи – я к тому времени уже переставала что-либо сообщать, – а наутро выглядела свежей и цветущей. Ее светлые локоны лежали так художественно-небрежно, что моя соседка по комнате спросила, делала ли она укладку. Я только рассмеялась. Будь на моем месте кто-нибудь другой, он, возможно, возненавидел бы Розу, но между нами никогда не было неприязни. Сдав экзамен на «отлично», Роза написала мне, что не справились бы, если бы накануне мы не занимались всю ночь напролет.

Роза была единственной, кто знал меня еще в Шотландии. Но даже она не знала, что я сотворила.

В 2006 году мне только исполнилось двадцать три, и у меня были планы, в первую очередь – оставить прошлую жизнь в Бостоне. Одним позднеавгустовский жарким днем я сошла с поезда и начала новую жизнь.

Сент-Стивенс располагается на холме, о гранитные скалы которого неустанно бьются бушующие ледяные воды Северного моря. Большинство зданий выглядят как средневековые, однако на самом деле они построены в стиле неоготики: высокие шпили, стрельчатые арки, большое количество декоративных элементов... Серость – вот как можно описать архитектуру, погоду и атмосферу городка. Сент-Стивенс известен и как центр Реформации, и как место расположения почитаемого университета, которому уже насчитывается шестьсот лет. Площадь Сент-Джона – самая старая часть кампуса, где в солнечные дни студенты сидят на скамейках вдоль богато украшенных зданий пятнадцатого века и любят плющом, плетущимся по стенам.

Сент-Стивенс может похвастаться одним из самых известных исторических факультетов в мире, но меня в первую очередь привлекла возможность поработать с Мадлен Гранжье, эксцентричной французской феминисткой, экспертом по мягкой силе, которой в шестнадцатом веке обладали женщины при европейских дворах. Профессор Гранжье свободно говорила на шести языках и внесли большой вклад в область, которая меня интересовала. К тому времени она проработала в Сент-Стивенс всего два семестра.

На следующий после приезда день я тщательно выбирала одежду, готовясь к встрече с профессором Гранжье. Не то чтобы я пыталась произвести на нее впечатление. Возможно, мне хотелось казаться скорее европейкой, чем американкой. Я где-то вычитала, что улыбка посылает в мозг сигналы, которые вызывают ощущение счастья, поэтому порепетировала улыбку перед зеркалом и пошла на кафедру истории, петляя дворами и представляя, что скажу своему новому научному руководителю.

Тремя улицами южнее от площади Сент-Джона я увидела здание из красного кирпича, зажатое между домами из песчаника. Пройдя через ворота с кованой железной решеткой, я поднялась на четвертый этаж и обнаружила в конце коридора кабинет профессора Гранжье.

Я негромко постучала, и дверь открыл седовласый мужчина в бордовом свитере. При виде меня выражение его лица преобразилось.

– Профессор... Эндикотт? – Я узнала заведующего кафедрой, потому что видела его фотографии на сайте университета и на обложках многочисленных книг. Я протянула руку, но профессор Эндикотт ее проигнорировал. – Меня зовут Изабель Хенли. Я восхищаюсь вашей работой. Приятно познакомиться.

– Да, мне тоже. – Он взглянул на меня через плечо: – Проходите, мисс Хенли. – Махнул рукой. – Пожалуйста, садитесь в одно из кресел у камина.

Я сняла пальто и села.

– Когда вы приехали?

– Прилетела вчера из Штатов. Разве это не офис профессора Гранжье?

Профессор Эндикотт поправил очки на носу.

– Вы... получили от нас письмо?

– Нет. Но я сменила адрес электронной почты около недели назад. Наверное, следовало об этом предупредить.

Профессор Эндикотт поджал губы:

– Мисс Хенли, у меня для вас печальные новости. Буквально на прошлой неделе профессор Гранжье... сорвалась с обрыва во время прогулки и упала. Она разбилась насмерть.

Перед глазами на секунду все поплыло.

– Что?

– Мне очень жаль. Смерть Мадлен стала трагедией для всех нас. Учебные совет назначил меня вашим куратором, надеюсь, вас это устроит. Меня впечатлили ваше заявление и академические достижения.

Я вцепилась пальцами в подлокотники кресла.

– Да, конечно. Я... Я буду рада поработать с вами. Профессор Эндикотт.

Профессор Эндикотт продолжал говорить, но я, пытаясь переварить услышанное, воспринимала его слова как фоновый шум. Потом профессор замолчал и выжидательно посмотрел на меня.

– А теперь расскажите о себе, пожалуйста.

– В университете я изучала французский и историю, – начала я. – Работала с парижскими архивами и занималась вопросами франко-тосканских взаимоотношений...

Профессор Эндикотт взглянул на дверь, потом снова на меня. Я услышала стук и выдохнула.

– Входите, – пригласил профессор.

Появившаяся на пороге девушка была стройной и немного мужеподобной. Светлые джинсы, жилетка в шотландскую клетку, в руках – шеститомник Энрико Давила «Istoria delle guegге civili di Francia». Должно быть, нелегко подняться на четвертый этаж, особенно на каблуках.

– Простите, что прерываю, – проговорила девушка, пересекая комнату. – Я обещала вернуть книги, – добавила она и положила все шесть томов на стол. На ее указательном пальце сверкнуло толстое золотое кольцо с красным камнем.

– Позвольте представить Катрину Паркер. Катрина получила здесь степень бакалавра и хорошо знает округу. Она изучает мирные договоры тысяча пятьсот семидесятых годов, – сообщил профессор Эндикотт.

Я встала и пожала девушке руку. Она посмотрела на мои туфли и окинула меня быстрым взглядом.

– Рад был познакомиться с вами, мисс Хенли, – добавил профессор Эндикотт. Катрина подошла к нему и посмотрела на меня.

– Я с нетерпением жду начала работы. – Я уже надевала пальто. – Не подскажите, где находится офис Розы Брюстер?

– Этажом ниже. Но не думаю, что она уже вернулась из поездки, – произнесла Катрина. – Если вернулась, то она будет на встрече со студентами, которая пройдет сегодня вечером. – Она наклонила голову и добавила: – Вы знакомы?

– Мы вместе учились. Еще раз спасибо. – Я вышла и захлопнула за собой дверь.

Найджел Эндикотт – превосходный ученый, однако его специализация несколько далека от моей. Я с нетерпением ждала возможности поработать с профессором Гранжье. Теперь она мертва. Я глубоко вздохнула и мысленно сказала себе: «Все хорошо, Изабель».

Ложь – одна из многих, которые я говорила себе на протяжении последнего года.

Глава вторая

Светло-серое небо почернело, заморосил дождь. Я шла по Саус-стрит, пока она не пересеклась с Норт-стрит и Маркет-стрит. Там, на перекрестке трех улиц, стоял собор Святого Стефана, который был сожжен во времена Реформации и служил вечным напоминанием о рвении ранних протестантов. Высокие шпили, видневшиеся из любой части города, высокие стены, но... никакой крыши. Сквозь арочные проемы, давно лишённые стекол, свободно гулял ветер. За забором виднелись надгробные плиты, наполовину утопленные в траве. Я наклонилась, пытаюсь прочесть надпись на одной из могил, но сквозь толстый слой мха разглядела всего несколько слов. Ветер начал усиливаться.

Я прошла мимо шумной группы испанских туристов с камерами на шеях. Одетые в футболки, они дрожали от холода. Через распахнутую дверь в дальнем конце собора виднелось темно-синее море.

Пройдя зигзагами между надгробий, я вышла в открытую дверь и, оказавшись за стенами собора, которые защищали от непогоды, принялась любоваться игрой волн. Потом поплотнее запахнула пальто и обернулась. Какой-то незнакомец стоял у меня за спиной и улыбался, засунув руки в карманы. Я сделала шаг назад. Взгляд заметался по сторонам, а в голове промелькнула мысль: «Услышат ли меня испанские туристы, если позвать на помощь?». Очень вряд ли.

– Вы – новый докторант, не так ли? – спросил незнакомец.

– Да, – ответила я.

– Я Уильям Андерсон, преподаватель. Вас зовут Изабель Хэндли, верно? Добро пожаловать в Сент-Стивенс.

Высокий, с каштановыми волосами и серо-темными, почти как воды Северного моря, глазами. На вид около тридцати пяти. Непонятный акцент. Уэльский? Длинное черное пальто выглядело мягким и теплым. А еще – дорогим.

– Хенли, – поправила я. – Не Хендли.

Я не хотела показаться недружелюбной, но слова, слетевшие с моих губ, прозвучали ворчливо.

– Забавно столкнуться с вами вот так. Здесь. Под дождем.

– О, вы быстро привыкнете. В Сент-Стивенсе сталкиваться с людьми – обычное дело. Это маленький городок.

Андерсон провел рукой по мокрым волосам, и я воспользовалась возможностью, чтобы проверить, есть ли на его руке обручальное кольцо. Кольца не было.

– Мне пора, – добавил Андерсон. – Еще увидимся.

Моя квартира находилась на втором этаже небольшого здания позади автостоянки. Я подписала договор аренды через Интернет и осталась довольна – пусть даже дом был старым и находился не в фешенебельной части города. Меня подкупила цена. Я отперла дверь в подъезд и поднялась по лестнице. Мне не по карману оставлять батареи включенными – все равно через щели в тонких, плохо подогнанных оконных стеклах просачивается холодный воздух. Я решила заварить чай.

Не найдя чайника, я наполнила водой кастрюлю, поставила ее на плиту и пошла в спальню. Обогреватель щелкнул, стоило его включить.

Встреча кафедры начнется только в пять, поэтому я упала на кровать, не снимая пальто, и уставилась в потолок. Поверить не могу, что профессор Гранжье мертва...

Возможность поработать с профессором Гранжье была главной причиной, по которой я решила приехать в Сент-Стивенс. Главной, но не единственной. Изучая лучшие программы магистратуры за пределами Соединенных Штатов, я увидела на сайте Университета Сент-Сти-

венс имя и фотографию Розы Брюстер. Мы учились в одном гуманитарном университете под Бостоном. Роза была на два года старше меня.

Людей у нас в группе было мало, однако я не могла с уверенностью сказать, что Роза меня не забыла. Вот я помнила ее хорошо – что неудивительно, ведь я следила за ее успехами. Роза была президентом Французского общества, Итальянского общества и драматического клуба. На заседаниях клуба она выглядела уверенной и напористой, но не высокомерной. Она была прекрасным рассказчиком, и мы все открыв рты ловили каждое ее слово. Однажды я помогла ей организовать вечеринку Итальянского общества, доход от которой должен был пойти на благотворительность. Тем вечером я собирала взносы, и Роза навевалась ко мне каждый час – спрашивала, все ли хорошо, и приносила выпить. И так до четырех утра, пока вечеринка не закончилась. В перерывах между бокалами граппы Роза познакомила меня с парнем, с которым у нас потом случился мимолетный роман.

Роза была красивой и умной. О ней много говорили – по большей части у нее за спиной. Я считала Розу очень доброй и бесконечно обаятельной. Она не боялась показаться смешной, ей была не чужда самоирония.

В университетском городке ее всегда окружала свита, включая новых парней, которые, казалось, сменялись каждую неделю. Я училась по программе с двойной специализацией: историей и французским языком. Совсем как Роза. Руководитель нашего семинара Денис Вире специализировался на истории Франции шестнадцатого века. Он взял меня под свое крыло, как до того сделал с Розой.

В отличие от Розы я во время учебы вела себя очень скромно. Лучше всего меня знали библиотекари. На втором курсе я посетила выпускную церемонию французского факультета, на котором Роза получила престижную награду. Через два года я получила ту же награду, и Роза прислала мне милую записку, в которой приветствовала меня в «клубе».

Через год после выпуска, в самый тяжелый период моей взрослой жизни, я написала Розе и спросила о Сент-Стивенсе. Я следила за ней и видела ее имя в списках выступающих на конференциях, поэтому знала, что она пошла в ту же область, что и я. Роза меня вспомнила. Она высоко отзывалась о Сент-Стивенсе, пела дифирамбы Мадлен Гранжье, всему преподавательскому составу и студентам. Восхваляла продуваемые ветрами пляжи и город, каждый уголок которого пронизан историей. При этом упомянула, что здесь постоянно идут дожди, и посоветовала взять с собой прочный зонт, несколько макинтошей и резиновые сапоги. Сказала, что Сент-Стивенс – воплощение британского университета, каким представляют его американцы, и спросила: знаю ли я, что фильмы о Гарри Поттере снимали в Шотландии? Роза даже обещала помочь мне найти финансирование, если университет не сможет покрыть все расходы.

– Звучит здорово, – ответила я. – Мне нравится мысль о том, чтобы оказаться подальше от Штатов и поближе к европейским архивам.

Не будет преувеличением сказать: Роза Брюстер спасла мне жизнь. Пусть даже не знала об этом.

Я уже засыпала, когда услышала четыре резких стука в дверь. Затем звякнула связка ключей, и входная дверь отворилась. В гостиной зажегся свет.

– Кто-то оставил плиту включенной.

Я вскочила с кровати, приоткрыла дверь спальни и увидела мужчину в бордовом бархатном пиджаке.

– Не бойтесь, – сказал он, – я ваш домовладелец, Чарльз.

Я приоткрыла дверь побольше.

– Рад знакомству, – улыбнулся он. – Не стесняйтесь, снимайте пальто. Или, может, вы собирались на улицу? В таком случае вам стоит причесаться. Я пришел показать, как пользоваться плитой, ванной и еще по мелочи.

Домовладелец устроил мне небольшую экскурсию, во время которой мне стало интересно: понимает и он, что я пропускаю все его слова мимо ушей?

– Говорят, в Сент-Стивенсе творится что-то странное, – сообщил он. – Я окончил университет более двадцати лет назад, и многое изменилось. Вы уже познакомились с городом? Мой долг – предупредить студентов-арендаторов, чтобы они не наступали на высеченные возле собора буквы «ТР». Это инициалы протестантского мученика, сгоревшего на том самом месте. Любой студент, который наступит на них, провалит экзамены.

– Буду иметь в виду, – ответила я. – Вы сказали, что в Сент-Стивенсе творится что-то странное. О чем вы?

– Совсем недавно из библиотеки пропала книга Ньютона. Один из наших самых старых и ценных текстов. Принадлежала коллекции профессора химии, который завещал ее университету в девятнадцатом веке.

– Какой кошмар. Кто-нибудь знает, куда она могла подеваться?

– Рано или поздно книгу найдут – Сент-Стивенс похож на остров; здесь невозможно ничего утаить. Я не хотел вас напугать: город у нас безопасный, одинокой женщине ничего здесь не грозит. Да и потом... Уверен, в скором времени вы обзаведетесь друзьями, которые смогут составить вам компанию. В их числе наверняка будут ваши соотечественники. Они не самая заметная часть студенческого населения, но самая слышимая.

Я рассмеялась и постучала ногой по полу.

– Что же, я пойду. Купите себе электрический чайник, Изабель. Если, конечно, будет не очень трудно, – сказал домовладелец. – В прошлом году одна американка чуть не сожгла квартиру. В любом случае надеюсь, вы не устраиваете диких вечеринок?

– Вам не о чем беспокоиться. Я здесь, чтобы учиться, а не устраивать вечеринки.

Домовладелец прищурился.

– Точно! Вы же специализируетесь на истории? На прошлой неделе в результате несчастного случая погибла профессор с исторического факультета. Как странно...

– О чем вы?

– Я не уверен, что это был несчастный случай. Особенно учитывая слухи, которые ходили по городу. Мы виделись однажды. Красивая женщина... Вот только в Сент-Стивенсе ее не жаловали. Ее репутация...

– В каком смысле «не жаловали»?

– Во-первых, она добивалась членства в частном клубе, который с самого своего основания был только мужским. Подняла шум, когда ее не пустили, взбаламутила народ, город, университет.

Я уперла руки в бока.

– Не могу сказать, что виню ее.

– Проехали. И последнее, пожалуйста: не забудьте запереться. На парковке по ночам ошиваются подозрительные типы. Без колебаний звоните, если вам что-нибудь понадобится. Мой номер у вас есть.

Не успела я что-либо ответить, как домовладелец ушел, плотно закрыв за собой дверь. Я выбросила его слова из головы – восприняла их как обычное предупреждение иностранному студенту.

Наполнив чашку водой, я сняла пальто, вернулась в спальню и забралась под одеяло. Поставила чашку на тумбочку, случайно опрокинув бутылочки с психотропными средствами. Крошечные белые таблетки лавиной покатались по столу и запрыгали по ковру. Я не стала их поднимать. Минут через десять, находясь между сном и явью, я вдруг подумала: а не привиделся ли мне Чарльз? У меня столько вопросов к Розе, где бы она ни была.

Глава третья

Когда я проснулась, за окном уже успело стемнеть. Я быстро привела себя в порядок, переживая, что опоздаю на приветственную встречу, и выбежала под дождь, на этот раз захватив зонтик. Найти обратную дорогу к зданию исторического факультета оказалось трудновато. Улицы опустели, в витринах магазинов погас свет. К тому времени, как я нашла главный вход, скрывающийся за решетчатыми воротами, я промокла насквозь – несмотря на зонтик. Несколько минут я ждала, пока кто-нибудь пройдет мимо, а потом отыскала охранника, который сказал, что проведет меня к боковому входу.

– Вы американка?

Охранник говорил с сильным шотландским акцентом, но мне удавалось понимать большую часть из того, что он говорил.

– Вы кажетесь славной девушкой. Я работаю здесь сторожем уже тридцать лет. С лихвой насмотрелся на всяких грубиянов. Таких здесь много. Берегите себя. Не позволяйте сбить себя с толку, ладно?

Я кивнула, прошептала «спасибо» и вошла в душную комнату. Я пыталась ступать как можно тише, но половицы все равно закрипели. При виде меня профессор Найджел Эндикотт замолчал. Я неуверенно подняла руку в приветствии, на которое профессор не ответил, вновь обратив свое внимание к группе из человек сорока, над которыми жужжали флуоресцентные лампы. Не отходя от двери, я стянула с себя промокшее пальто. Затхлый запах книг и мокрого ковра подействовал на меня на удивление успокаивающе.

– В заключение, – сказал профессор Эндикотт, – я хотел бы подчеркнуть, что когда вы окончите учебу – если вы ее окончите, – то должностей в университете будет очень мало. Учебный процесс похож на воронку: пропускает только тех, кто настроен серьезно. Я говорю это, чтобы подтолкнуть вас в нужную сторону, и желаю вам удачи.

Собравшиеся нехотя захлопали в ладоши, и наступила недолгая тишина. Потом вперед вышел Уильям Андерсон:

– Что ж, спасибо за воодушевляющую речь. – По помещению прокатилась волна смеха. – Добро пожаловать! Берите напитки, знакомьтесь с нашими новенькими.

Те, кто сидел, встали с мест. Начались вежливые разговоры. Улыбаясь всем и никому конкретно, я взяла со стоящего рядом столика бокал белого вина. Потом внимательно оглядела присутствующих. Розы нигде не было.

Представители исторического факультета – по крайней мере, большинство из них, – собрались в передней части зала. Уильям представил меня второкурснице, с которой мне предстояло делить кабинет.

– Мейрид. Красивое имя, – заметила я. – Откуда ты?

– Последние двадцать лет живу в Великобритании, но вообще моя мама родом из графства Мейо, а папа – итальянец.

Пока мы разговаривали, глаза Мейрид бегали по комнате:

– Сожалею о смерти твоего научного руководителя. Мы с ней только-только начали вместе работать.

– Я до сих пор не могу поверить в случившееся...

– Я тоже. Все не слава богу. – Мейрид втянула щеки и приоткрыла рот, становясь похожей на рыбу. – А ведь ты приехала издали, чтобы работать с ней, – добавила она. – Меня вот перевели к Уильяму Андерсону. А тебя?

– К Эндикотту.

– О. Сочувствую насчет кабинета.

– А что с ним?

– Роза. Ты знаешь Розу? Не волнуйся, ей сказали освободить стол к ноябрю.

– К ноябрю? Когда она вообще возвращается? Я искала ее.

– Она вернется со дня на день, – ответила Мейрид, переминаясь с ноги на ногу. – Было бы здорово, если бы она не уезжала так часто. Ее поездки влекут за собой еще большее загрязнение атмосферы.

– Эй, новенькая! Мы собираемся в «Куэйк». Присоединяйся, – предложил Джефф, трехкурсник из Инвернесса, специализирующийся на франко-шотландских торговых отношениях. Он жестом указал на стоящего рядом здоровяка Берти, второкурсника. К нам подошла Катрина.

– Мы должны позаботиться о нашей новой зверюшке.

– Зверюшке? Сочту за комплимент, – улыбнулась я, и все рассмеялись.

Катрина познакомила меня с Шоном из Северной Англии и Люком из Северной Ирландии.

Мне понравилось, как он произносит свое имя: «Лю-ук».

Уильям подошел, когда я надевала все еще мокрое пальто.

– Ты с нами? – поинтересовался он.

Я надеялась незаметно улизнуть, но неожиданно для себя ответила:

– Конечно!

Разбившись на небольшие группы, мы отправились в паб. Уильям присоединился к нам с Клэр Миллер, разговорчивой преподавательницей из Шотландии, и мы шли втроем, пока Клэр не пожелала нам хорошего вечера и не ушла домой.

На самом деле заведение называлось не «Куэйк», а «Куэйч», и, уже оказавшись внутри, я узнала, что «куэйч» – это кружка для питья. В помещении царил удушливый запах сигаретного дыма и несвежего пива.

Я заказала стакан воды.

– Газированную, безо льда. Спасибо.

– В этой стране, Изабель, вода предназначена для чая или купания, – повернулся ко мне Уильям.

– Хорошо, тогда мне порцию виски, – сдалась я. – Чистого виски.

– Какого именно?

Я посмотрела на выстроенные в ряд бутылки и прочитала первую этикетку, которую смогла разобрать.

– «Боумор», – сказала я, уверенная, что произнесла название правильно.

– Односолодовое? А ты знаешь толк в виски, – отозвался Уильям.

Я усмехнулась.

– Две порции пятнадцатилетнего «Боумора». За мой счет, пожалуйста, – заказал Уильям, и бармен поставил перед нами два массивных стакана, в которые щедро плеснул виски.

– «Боумор», – задумчиво протянул Уильям. – Гармоничный вкус с идеально сбалансированными дымом и торфом. Он с Айлей, родины восьми винокурен, самого нетронутого из островов. Закрой глаза, прежде чем сделать глоток. Поверь мне.

Это казалось глупым, но я послушно закрыла глаза. А когда открыла – увидела перед собой серебристо-голубые глаза Уильяма. Он пристально смотрел на меня.

– Ты почувствовала привкус моря?

– Честно говоря, нет. А ты что, знаток виски?

– Видимо, не очень. – Я улыбнулась. – Может, присоединимся к остальным?

Мейрид, стоявшая спиной к огню, участвовала сразу в нескольких разговорах. Я находилась рядом с Берти, когда Катрина подошла и шлепнула его по заднице.

– Принесешь мне виски «Сауэр»? – попросил он, и Катрина плавной походкой направилась к бару.

Я наклонилась к Берти:

– Вы с Катриной встречаетесь? Я думала, она с Джеффом.

Его ноздри раздулись.

– Смазливый шотландец встречается с Дэнни. Время от времени. Он предпочитает женщин постарше. Таких, как мадам О-ля-ля, – произнес он с деланным французским акцентом. – Дэнни ревновала к твоей покойной научной руководительнице. Мадам О-ля-ля была в хорошей форме.

– Ты имеешь в виду Мадлен Гранжье?

– Кого же еще?

– Неуважительно говорить так о профессоре. Не говоря уж о том, что она умерла.

– Это был комплимент! *Madame la professeur* обладала, как говорится, *je ne sais quoi*. Но мне жаль, что она не с нами и ничего не может сказать в свою защиту. Профессор Гранжье была из тех женщин, кто напрашивается на такие разговорчики. Будь вы знакомы, ты бы и сама все это поняла. Узкие юбки, шпильки... Она знала, на что идет.

Я нахмурилась.

– Не думаю, что есть люди, которые «напрашиваются» на такие разговорчики. Дэнни сейчас здесь?

– Она в Хайленде, исследует «католицизм в кланах». – На последних словах Берти загнул пальцы, изображая кавычки, после чего ушел к Катрине пить свой виски.

Шон и Люк стояли в углу. Взяв меня под руку, Люк сообщил, что Шона бросила девушка – чтобы стать монахиней в монастыре.

– Мне очень жаль. – Я повернулась к Шону.

– Почему? Потому что после свидания со мной девушка решила уйти в монастырь?

– Уверена, дело не в тебе, – возразила я.

– Просто ты меня не знаешь. – Шон подмигнул мне.

Я повернулась к Люку:

– Что это с Берти? У него зуб на Мадлен Гранжье?

Шон вздохнул.

– Не обращай внимания. Берти придурок, сынок богатея, который подтирается пятифунтовыми банкнотами. Гранжье была в комиссии, которая завалила его на втором курсе. С тех пор он бесится.

– Как мерзко, – сказала я.

Люк кивнул.

– Да. Берти, можно сказать, радуется, что Гранжье погибла. Хотя та не виновата, что в прошлом году он только и делал, что прогуливал.

Уильям подошел и спросил, не хотим ли мы добавки. Мы заказали по порции виски.

– Моя очередь. – Я протянула кредитную карту.

Катрина присоединилась к нам тогда, когда Люк спросил тему моей диссертации.

– Я пишу о женщинах двора Екатерины Медичи, анализирую с феминистской точки зрения ее так называемый «летучий эскадрон» и то, что за политическими кулисами эти заклеенными позором фрейлины играли важную роль.

– Изабель, дорогая моя, – перебила Катрина. – Несколько месяцев назад, работая в Британской библиотеке, я прослушала лекцию именно на эту тему. В Кембридже. – Она потрепала меня по плечу. – Мы, женщины, должны поддерживать друг друга. Будет обидно тратить время на тему, которая уже освещена со всех сторон.

– Интересно, почему профессор Гранжье никогда не говорила мне об этом, – удивилась я, чувствуя, как горит лицо.

– Или Эндикотт, – добавила Катрина. – С другой стороны, подопечные Эндикотта и Гранжье соперничали – совсем как они...

Берти подошел к Катрине и обнял со спины.

– Узнаю этот взгляд! Снова мутишь воду, да, Кэт? – Он хлопнул меня по плечу, и я отшатнулась. – Эй, Изабель! Дай знать, если она будет тебе докучать.

– Все хорошо, мы просто беседуем, – улыбнулась я. – Прошу прощения, я отойду покурить.

Направляясь к выходу, краем глаза я заметила, как Берти схватил Катрину за запястье, а Уильям вполголоса что-то им говорил.

Стоило выйти на улицу, как пронизывающий ветер забрался мне под кардиган, и мне стало холодно. Дверь открылась, и в мою сторону дунул теплый воздух. На пороге появился Уильям.

– Уже докурила?

– Я не курю с университета.

– Ты не пьешь, не куришь. Современные американцы ведут поразительно здоровый образ жизни.

– Просто нужен был перерыв.

– Забудь все, что наговорила тебе Катрина – сказал Уильям, правильно угадав мои мысли, и провел рукой по волосам. – Знаешь, что тебе следует сделать? Угостить меня выпивкой.

Я последовала за ним обратно в паб. Спустя несколько порций виски, когда бармен притушил свет и включил погромче музыку, мы начали распевать песни восьмидесятых – смелость, сдобренная изрядной порцией алкоголя, заставила нас поверить в то, что мы знаем все слова.

Выйдя из паба двумя часами позднее, я пребывала в уверенности, что у меня есть что-то общее с этой компанией незнакомцев, далеко не все из которых специализируются на истории. Впрочем, в к тому времени, как я добралась до дома, я уже начала в этом сомневаться. Все еще напевая песню “I Just Died in Your Arms Tonight”, навевающую воспоминания о прошлогодних событиях, я, дрожа, брела в темноте, стараясь не спотыкаться о пустые бутылки.

Отперев входную дверь, я поднялась наверх, в свою квартиру, где царила мертвая тишина. В спальне, на столе и на полу, валялись таблетки. Тяжко вздохнув, я принялась подбирать их одну за другой и класть обратно в пузырьки.

Потом сунула в рот свою ночную дозу. Нельзя было пить алкоголь, лекарства с ним не сочетаются. У меня на глазах выступили слезы.

Сделав из бутылки с водой маленький глоток, я попыталась сглотнуть и сразу же закашлялась. Через несколько секунд таблетки превратились горький порошок. Никто бы не узнал, если бы я подавилась и умерла. Я стала бы одной из тех несчастных одиночек, которые лежат в квартире несколько недель, прежде чем их находят. Выплюнув порошок в раковину, я прополоскала рот, взяла пузырьки с таблетками и высыпала их содержимое в унитаз.

Затем позволила себе расплакаться.

Глава четвертая

Следующим утром я стояла перед зданием исторического факультета с пульсирующей болью в голове. Поднялась на второй этаж и остановилась перевести дух. Все, кто был вчера в пабе, уже находились на своих рабочих местах, стуча по клавиатуре с такой бодростью, как будто не пьянствовали допоздна.

– Доброе утро, – сказала Катрина, проходя мимо. Катрина казалась невероятно энергичной, а прическа ее выглядела так же безупречно, как накануне. – Похоже, кто-то чувствует себя неважно, да?

– Я чувствую себя прекрасно, – отрезала я. – Славно вчера повеселились.

Наплакавшись, я прочитала письмо от Розы, которая буквально только что вернулась в Сент-Стивенс. Мы договорились встретиться на следующий день. Я не спала до пяти часов утра – искала в Интернете лекцию, упомянутую Катриной, и наткнулась на Кристину Йи: она читала лекцию на тему «Миф о летающем эскадроне. Женский двор Екатерины Медичи». В разделе «публикации» стояла монография под таким же названием, она готовится к изданию в 2007 году. Я не могла опираться на исследования Кристины Йи, поскольку они выйдут только через год. Но она уже заключила контракт с одним из лучших издательств – «Реддинг Пресс».

Единственный плюс проживания в квартире у черта на куличках – никто не слышал, как я снова и снова кричала «черт!», пока у меня не сел голос.

– Спасибо, что рассказала о том, что двор Екатерины Медичи изучает кто-то еще, – сказала я Катрине.

– Обращайся, – отозвалась Катрина, спускаясь по лестнице. – Чем смогу, тем помогу.

Я постучала в кабинет профессора Эндикотта. Что мне сказать? Уйти из университета – не вариант. Мне с трудом удастся наскрести денег на аренду квартиры и счет за отопление, я готовлюсь пожертвовать Интернетом. Нужно найти работу, и чем скорее, тем лучше, а места ассистентов преподавателей распределены между студентами второго курса. Из кабинета Эндикотта доносился тихий женский голос, поэтому я направилась в общую гостиную, где Роза предложила встретиться через полчаса.

Общая гостиная исторического факультета напоминала подземную пещеру, темную и сырую, с изогнутым потолком. Я бросила в чашку два пакетика чая «Инглиш брекфаст» и залила их горячей водой. В ожидании, пока чай заварится, я принялась листать студенческую брошюру, лежавшую на столе рядом с пакетиками чая. Под брошюрой обнаружилась толстая красная книга в твердом переплете. Я взяла ее в руки и прочитала название на корешке: «Выдающиеся представители французского двора XVI века». Номера телефона не было. Страницы книги приятно пахли цветочными духами. От моей чашки поднимался пар.

Сев на диван, я пролиستала книгу, которая постоянно открывалась в середине – страница там была загнута. Имя на верхней части страницы было выделено светло-зеленым фломастером. Фальконе. Я шепотом произнесла имя вслух, а затем повторила на итальянский манер.

В голове по-прежнему шумело, поэтому я откинулась назад и положила книгу рядом с собой. Глаза закрылись будто сами собой.

– Вот ты где! – слышался звонкий голос, и я вздрогнула. – Иззи! Изабель! Это ты? О боже... ты что... спишь?! – Роза была одета в плащ «берберри», а волосы, которые раньше спадали до талии, теперь были острижены до плеч и уложены в изысканную прическу, подходящую под ее гламурно-академический образ.

По моим воспоминаниям во времена учебы в университете Роза была довольно красивой, но сегодня она поражала воображение.

– Ты смогла! – Она крепко обняла меня. – Я так рада тебя видеть! Как доехала? Как устроилась?

Ее интонации звучали по-британски.

– Пытаюсь отойти от перелета... Я повсюду тебя искала!

– Выглядишь великолепно! – Улыбка Розы стала чуточку шире.

– Это принадлежит тебе. – Я передала ей красную книгу.

– Красивый переплет, верно? А говорят, не стоит судить о книге по ее обложке, – усмехнулась Роза и посмотрела на свои «Ролекс». – Мне надо вернуться к себе в кабинет. Я готовлю статью. Мы должны встретиться как можно скорее!

– Над какой статьей ты работаешь?

– Она посвящена семье Дженовезе, жившей во Франции в шестнадцатом веке. Я стала первым исследователем, который работал в их частном архиве в Генуе. – Роза покачала головой и перекинула пальто через руку, входя в роль профессора. – Несмотря на кропотливый труд и палеографические сложности, я обожаю работу историка за то, что можно найти единственный клочок бумаги, который навсегда изменит наше представление о прошлом. Да ты и сама знаешь, что архивная работа по большей части – это поиск пресловутой иголки в стоге сена.

– И как твой поиск? Нашла какую-нибудь иголку?

– Если я расскажу, то мне придется тебя убить, – пошутила Роза. – Кстати, я хотела извиниться. Можешь пользоваться моим кабинетом и компьютером в любое время. Скоро мой стол станет твоим. – Она издала преувеличенный вздох облегчения.

– Большое спасибо. – Я слабо представляла, как бы мы могли делить стол и компьютер.

– Ты ведь пишешь работу о дворе Екатерины Медичи?

– Как быстро расходятся слухи.

– Ты шутишь? О тебе говорит весь город! – Роза подошла ближе.

– Кто твой руководитель? – поинтересовалась я.

– Уильям Андерсон. Познакомься с ним, если вы еще не знакомы. Он очень умен. Я очень сожалею о твоём руководителе. Мадлен Гранжье была потрясающей женщиной. Я бы с удовольствием поработала с ней, но к тому времени, как она приехала, меня уже прикрепили к Уильяму. Но ты в хороших руках. Эндикотт – всемирно известный ученый. Он может нагнать страху, но ради своих студентов он готов на все.

– Что случилось с профессором Гранжье? Говорят, она сорвалась с обрыва?

– Что очень странно, ведь она была опытным альпинистом. Впрочем, такое может случиться с каждым. Знаешь, шотландская погода очень непредсказуема. Как бы то ни было, смерть профессора Гранжье – ужасная потеря для всех нас. У нее не было семьи. Это хоть немного утешает.

– Может прозвучать странно, но мой домовладелец предположил, что смерть профессора Гранжье могла быть неслучайной. И что ее не любили.

– Что? Конечно, между ней и другими профессорами существовало дружеская конкуренция, но такое предположение кажется мне надуманным. – Роза разглядывала облупившийся красный лак на ногтях.

– Эндикотт был до странного холоден, когда сообщил мне о случившемся.

– У него такая манера общаться, не обращай внимания.

– Как скажешь. Но Берти тоже болтал что-то странное.

– Берти не отличается талантами, зато отличается злопамятностью. Держись от него подальше.

– Обязательно. А еще мой домовладелец – его зовут Чарльз – сказал, что из библиотеки украли ценную книгу Ньютона.

– Кто такой этот Чарльз?

– Хозяин моей квартиры, в которую он иногда заходит без спроса. Он учился здесь, в Сент-Стивенс, и кажется довольно заботливым.

– Звучит стремно. Ты уверена, что ему можно верить? Мне ничего не известно об украденной книге, а ведь я часто бываю в библиотеке. Беспokoиться не о чем. Я рада, что ты здесь. Уверена, мы прекрасно повеселимся!

Кивнув на прощание, Роза оставила меня наедине с холодным чаем.

Я вылила чай в раковину и направилась к Эндикотту, когда мимо меня прошла Мейрид. Видимо, женский голос, который доносился из его кабинета, принадлежал ей. Глаза Мейрид покраснели. Она выглядела так, будто плакала.

Передумав, я свернула к кабинету Уильяма и постучала в дверь.

– Войдите, – раздался голос.

Стоило мне переступить порог, как Уильям встал и жестом указал на стул напротив стола. Подождал, пока я сяду, и одарил меня очаровательной улыбкой. В выглаженной рубашке в розовую клетку и темно-синем галстуке Уильям выглядел как модель какого-нибудь французского дизайнера.

– Не хочешь пропустить по чашечке чая? – спросила я.

Уильям опустил взгляд на бумаги, лежавшие на столе:

– Думаю, я сделал достаточно пометок на сегодняшнее утро. Дай мне минутку, ладно?

Пока Уильям что-то печатал, я рассматривала книжные шкафы. Помимо десятков учебников по истории здесь стояли книги по философии и теории игр. Целая полка была посвящена итальянской и французской классической литературе. Я нашла сборник сказок Перро – томик в красном кожаном переплете, – которые не читала уже много лет.

– Какая разнообразная коллекция! – заметила я после того, как Уильям отодвинул стул и встал.

– Я люблю читать книги на самые разные темы, – пояснил он. – Они дают представление о мире.

– Согласна. Я много читаю в свободное время.

– Правда? Надо стоит обсудить прочитанное.

Уильям снял плащ с крючка на двери, и мы спустились вниз. На улице светило солнце, дул приятный прохладный ветерок.

– В «Джианни» подают хороший кофе. Что скажешь? – спросил Уильям, и я улыбнулась в знак согласия.

В якобы итальянском кафе я заказала двойной «Эрл Грей», а Уильям – макиато. Я полезла в сумочку за бумажником, но Уильям меня опередил:

– Я тебя угощаю.

– Я тебя пригласила, а значит, и платить мне, – настаивала я.

– Ты меня пригласила, а значит, я просто должен заплатить, – возразил он.

– Но вчера ты угостил меня виски.

– Вы очень добры, мисс Хенли, притворяясь, что не помните, как угостили меня тремя порциями виски.

Мы сели за маленький столик в глубине пустого кафе.

– Я думал, ты захочешь попробовать здешний кофе, – улыбнулся Уильям. – Для Шотландии он весьма неплох.

– Я решила отказаться от кофе, – пояснила я, потягивая чай.

– Аспирантура без кофе? Уверен, такого еще не бывало.

– О, это длинная история.

– Звучит загадочно. – Уильям приподнял брови.

– К слову о загадочных вещах. Мне до сих пор не верится в то, что случилось с Мадлен Гранжье.

Уильям тяжело вздохнул.

– Ее смерть была внезапной и шокирующей. Мы все еще приходим в себя. Должно быть, ты невероятно разочарована. Я очень тебе сочувствую. Ты это хотела обсудить?

– Да, было бы здорово. Но не сейчас. Как-нибудь в другой раз.

– Я к твоим услугам в любое время, Изабель.

Слова Уильяма звучали искренне, хотя, возможно, это была простая вежливость. Ничего не указывало на то, что я интересую Уильяма в романтическом плане. Выкинув эту мысль из головы, я перешла к теме, которую собиралась обсудить с Эндикоттом:

– Катрина была права. Одна из кембриджских ученых занимается исследованием на тему придворных дам Екатерины Медичи. Я решила обсудить это сначала с тобой, а не с Эндикоттом. Когда-то давно ты опубликовал довольно много статей о Медичи.

– Именно что «когда-то давно».

– Да, теперь ты переключился на Макиавелли, но в любом случае остаешься экспертом в этой области.

– Ты мне льстишь. Впрочем, я и правда немного разбираюсь в Макиавелли. – Залпом допив макиато, он добавил:

– Я всегда думал, что научные исследования похожи на исторические романы. Или любовные. – Уильям смерил меня пронзительным взглядом. – Если оставишь исследования и вернешься к ним некоторое время спустя, то поймешь, что некая магия исчезла. А может, ее изначально было недостаточно, чтобы удержать твой интерес. – Уильям посмотрел на свой телефон, потом снова поднял взгляд на меня. – Итак, чем я могу быть полезен?

– Я думаю о том, чтобы изменить тему своей докторской. Что скажешь? Какое твое профессиональное мнение? Может, мне следует посвятить диссертацию семье одной из придворных дам, как это сделала Роза? К слову, мы с ней недавно виделись. – Я стиснула в руках чашку с чаем.

– Дай-ка угадаю. Она дала тебе какой-нибудь непрошенный совет?

– Предложила мне познакомиться с тобой. Когда-то мы с Розой учились в одном университете. Но на разных курсах – она на несколько лет старше меня. Роза была звездой французского факультета.

– Роза – прилежная студентка. Одна из самых умных женщин, которых я когда-либо встречал. – Уильям уставился на пенку, оставшуюся на дне его крошечной чашки.

Эти слова вызвали у меня прилив ревности.

– Как бы то ни было, мне нравится твоя старая тема, – добавил Уильям. – И Эндикотту тоже. Нет ничего плохого в том, чтобы работать над темой, уже освещенной кем-то другим. Тебе просто нужно сделать это по-своему. Изучить источники. Познакомиться с ними как можно ближе. – Мне показалось, что Уильям вот-вот улыбнется. – Послушай, – вдруг оживился он. – Знаю, мы недавно пришли, но мне пора. Как насчет того, чтобы обсудить это через несколько дней, когда ты все хорошо обдумаешь?

Я кивнула и встала. Выйдя на улицу, мы с Уильямом разошлись в разные стороны. Мимо меня прошла парочка влюбленных, их руки переплелись, словно крендель. Мужчина был ужасно похож на Адриана: такая же легкая походка, такие же залысины... Я обернулась, чтобы рассмотреть его получше. Что Адриан мог делать здесь, в Сент-Стивенсе? Воспоминания сразу перенесли меня на четыре тысячи миль и пять месяцев назад.

Дул ледяной ветер. Я убедилась в том, что после пяти месяцев и семи дней мне необходимо обсудить с Адрианом одну вещь. Незадолго до шести вечера я отправилась в его новый офис, уверяя себя, что поступаю романтично.

Когда я вошла на парковку, чтобы подождать Адриана у машины, он вышел из здания.

– Мы договорились, что нам лучше не видеться, – заявил Адриан, подойдя ко мне.

Все шло по плану.

– Я пришла, чтобы кое-что тебе сказать, – ответила я.

В тот день я выпрямила волосы, надела топ с глубоким вырезом, такую короткую юбку, что не могла в ней наклониться, и в довершение всего – туфли на каблуках от Маноло Бланик, которые одолжила у подруги. Я стояла без пальто и дрожала.

– Ты дала слово, что...

– Прощу тебя, – перебила я. – Если ты когда-нибудь любил меня, то...

– Я никогда не говорил, что люблю тебя, – заявил Адриан, но мы оба знали, что это ложь.

– Я уезжаю. Я поступила в Университет Сент-Стивенса. Он в Шотландии.

– Замечательно! – Адриан шагнул вперед, взял мою руку в свою и похлопал по ней. Прикосновение было холодным и платоническим, а на лице читалось облегчение.

– Я пришла, чтобы проститься. – Я хотела произнести эти слова угрожающе, но голос дрогнул, и на глаза навернулись слезы.

Адриан переступил с ноги на ногу.

– Я хочу для тебя только самого лучшего. Хочу, чтобы ты была счастлива. – Адриан направился прочь, но потом обернулся, и я решила было, что он передумал.

Но услышала лишь:

– Если решишь вернуться, то возвращайся не ради меня.

– Я не вернусь! – крикнула я.

В последующие дни и даже недели я жалела о том, что не догадалась дать Адриану его же собственный совет: разобраться в себе. Тем вечером я просто смотрела, как он садится в машину и уезжает.

Глава пятая

Библиотека Сент-Стивенс, притаившаяся в переулке, неподалеку от площади Сент-Джонс, считалась единственной достопримечательностью города. Цементно-стеклянный суровый минимализм архитектуры семидесятых резко контрастировал с окружавшими неоготическими строениями и мощеными дорожками. Краска на стенах внутри давно шла пятнами и кое-где осыпалась. Воздух стоял затхлый – помещение почти не проветривалось.

Когда я, вдыхая запах старых книг, поднялась на верхний этаж, где располагалась историческая секция, раздражение, возникшее из-за различия моих ожиданий и реальности, испарилось. Несмотря на то, что я все еще была поражена ветшающим интерьером почтенного британского академического учреждения, все мысли занимал Уильям, одетый в клетчатую рубашку. Тряхнув головой, я попыталась снова вернуться в шестнадцатый век.

Если верить каталогу, в библиотеке Сент-Стивенс не было недавних публикаций о дворе Екатерины Медичи, это было хорошо, пусть и удивительно. Я нашла историческую секцию и прошла мимо тележки, заваленной книгами. За ней виднелась светлая шевелюра, склонившаяся над миниатюрным ноутбуком. Роза.

Она помахала мне рукой, закрыла ноутбук и крепко обняла меня, поднявшись. Она была одета в черные джинсы и пушистый свитер цвета фуксии, его ворсинки торчали в стороны, словно перышки ярkokрылой птички. Розу окутывал аромат цветочных духов, которые я ощутила на ее книге.

– Следуй за мной, – пригласила она, засовывая ноутбук под мышку. Я последовала за ней в маленькую комнату рядом с тележками. Роза закрыла за нами дверь и села на стул. – Мне не хотелось бы отвлекать тебя, но, как однажды сказал Джером К. Джером, «невозможно наслаждаться бездельем, если у тебя не будет много работы».

– Мне нравится твой свитер, – заметила я.

– Здесь такие называют «джерперами». Не волнуйся, скоро ты узнаешь много других важных слов. Например, в Шотландии есть слово «дрейч», оно означает «очень плохая погода».

– Дрейч... похоже на еврейский.

– Угу. О, и еще, если собираешься сделать комплимент, не говори «очень хорошо». Здесь это значит прямо противоположное – урок, который я усвоила на собственном горьком опыте.

– Еще какие-нибудь советы? О Сент-Стивенсе или о Шотландии в целом?

– В этой стране я все еще чужак, но теперь по крайней мере нас двое. Хм, совет... Я точно знаю, что лучшие булочки подают в кафе «Касл» в пять утра. Если соскучишься по шопингу по-американски, то в тридцати минутах отсюда на машине есть торговый центр. Единственная аптека закрывается в пять и не работает в воскресенье.

– Ты скучаешь по Штатам?

– О, да. Скучаю по кинотеатрам, где крутят последние фильмы, по семье и друзьям. Скучаю по настоящим супермаркетам, по арахисовому маслу и маринованным огурчикам.

– Обожаю маринованные огурчики, даже как-то наряжалась им на Хэллоуин. Помнишь магазинчик напротив кампуса?

– Конечно! Мне так нравилась женщина за стойкой! Через некоторое время я приспособилась, приспособишься и ты. Здесь есть то, о чем я буду скучать, если уеду. К слову, как продвигается твоя работа? – обеспокоенно спросила Роза.

– Научный сотрудник из Кембриджа работает над той же темой, что и я.

– Ну и что? Наверняка, его работа отстой.

– Вряд ли. У нее – это женщина – уже есть контракт.

– Изабель, ты должна ответить на один вопрос, лишь он имеет значение. Любишь ли ты то, над чем работаешь? Диссертация – это не спринт, а марафон. Ты должна просыпаться посреди ночи от досады, потому что еще слишком рано идти в архив. Вот насколько тебе должна быть небезразлична тема.

– Так вот как ты относишься к Фальконе?

– Определенно, – кивнула Роза. – С моим Федерико мне скучать некогда. А ведь обычно тема быстро надоедает мне. – Она поднялась. – Окажешь мне услугу? Когда закончу часть доклада, над которым работаю, хочу прочесть его тебе. Ненавижу выступать с презентациями.

– Конечно.

– Хочешь обсудить еще что-то?

– Ну... можешь дать пару советов относительно докторской степени? Я еще не паникую, но скоро начну.

– Это нормально! Все через это проходят. У меня есть для тебя совет: начинай каждый день пораньше, не ищи простых решений, ставь разумные цели и реальные сроки. Жаль, что никто не сказал мне об этом, когда я начинала. Ты всегда можешь обратиться за помощью – здесь хорошее сообщество. По большей части.

Кто-то трижды постучал в окно, и вошла Катрина.

– Наша обеденная встреча! – воскликнула Роза. – Я пыталась наверстать упущенное с Изабель. Сколько уже прошло? – Она посмотрела на меня. – Пару лет?

– Мне пора приниматься за работу. – Виски снова начали пульсировать. С тех пор, как я спустила таблетки в унитаз, я знала, что головная боль – неизбежна. Неподалеку я увидела фонтанчик с водой и выпила столько, сколько смогла.

Вернувшись к исследованиям, достала «Dictionnaire de la Renaissance» и просмотрела биографические данные женщин французского двора, затем набросала краткие заметки о каждой из них. Наконец я наткнулась на страницу о Терезе Дю Монтур и поняла, почему имя Фальконе показалось мне знакомым.

Выскородная Тереза произвела фурор, выйдя замуж за Федерико Фальконе. Она была богатой вдовой и могла сама выбирать мужа. Что ж, Розе понравится, что наши темы пересекаются.

Голова уже раскалывалась от боли, поэтому я направилась в кабинет Эндикотта.

Дверь была закрыта – интересно, это постоянная практика?

– Войдите! – крикнул Эндикотт после того, как я постучала еще. Я вошла, и он отложил бумаги, которые просматривал. – А, это вы, Изабель. Присаживайтесь.

Его стол был заставлен аккуратными стопками бумаг.

– Как вы знаете, я планировала написать диссертацию о придворных дамах Екатерины Медичи.

– Верно.

– Недавно я узнала о студентке из Кембриджа, которая скоро опубликует монографию на ту же тему.

Профессор Эндикотт улыбнулся:

– О нет, если кто-то защитил докторскую диссертацию по Шекспиру, значит, вы больше не можете работать в том же направлении?

– Я не собираюсь полностью отказываться от своей темы, но хотела бы ее немного скорректировать.

– Понятно. Что ж, невозможно сейчас предсказать, хорошая эта идея или нет. Невозможно до тех пор, пока у вас нет конкретного плана. – Он выключил лампу на своем столе. – Предлагаю вам не отказываться полностью от окружения Екатерины Медичи. Ваша эрудиция – вот причина, по которой некоторые из нас считают, что у вас большие перспективы. Именно поэтому Мадлен хотела, чтобы вы работали под ее руководством. – Выражение его лица было

сложно прочитать, но, похоже, это было разочарование. – В любом случае, свежий взгляд – это всегда к лучшему. – Профессор поднялся. – Не хочу вас торопить и хочу, чтобы вы знали: я готов встретиться и обсудить предмет диссертации в любое время. Но, возможно, в следующий раз мы могли бы договориться о встрече заранее? Через пять минут я должен встретиться с ректором университета.

– Конечно. – Я поднялась, подошла к двери и обернулась: – Еще раз спасибо.

Профессор уже застегивал пальто и даже не поднял глаз. Судя по всему, он не услышал меня.

В библиотеку я вернулась перед ее закрытием, чтобы проверить, есть ли там интересующая меня книга.

Люк стоял снаружи на ступеньках и говорил с женщиной, которую я не знала.

– Я был неподалеку от ее кабинета, – тихо произнес он. – Она прошла мимо, не поздоровавшись, как будто даже не заметила меня. Она всегда была такой собранной. Но не в тот день. На ее лице застыло выражение страха. В кабинете она говорила громко, и я слышал часть ее слов. Она сказала фразу, которая никак не выходит из головы: «Я все еще решаю, что делать, но я буду на связи». Через несколько часов ее нашли мертвой. Неужели это и правда несчастный случай?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что они говорят о Мадлен Гранжье. Люк меня не видел. Горела лишь одна наружная лампа, и все вокруг тонуло в темноте. Повернувшись на каблуках, я пошла домой. Зайду за книгой в другой раз.

Глава шестая

В течение следующих нескольких недель я работала по десять часов в сутки – подыскивала материалы и для своей новой темы. Мы с Розой или Шоном частенько завтракали спозаранку в кафе «Замок», расположенном напротив стоящих на утесе руин замка Сент-Стивенс.

С самого приезда в Шотландию я избегала кофе и пила чай – не потому, что хотела косить под британку, а потому, что пыталась хоть немного измениться. Шон показал, как пьют чай шотландцы – с молоком и без сахара. Через некоторое время такой чай стал единственным кофеином, который я потребляла.

Однажды Роза сказала, что уезжает на несколько дней – поработать в месте, где ее не будут отвлекать. Мы продолжили регулярно обмениваться электронными письмами. Роза прислала мне интересные аналитические заметки, статьи о политике и забавные комиксы. Не представляю, как у нее хватало времени, чтобы просматривать столько материала, никак не связанного с диссертацией. Мне нравилось ее чувство юмора, я никогда не встречала человека, который бы ценил как высокую, так и низкую культуру. Роза столько всего знала!

Через некоторое время мне пришла выписка с кредитки. Мой долг составил почти две тысячи долларов. Я сэкономила как могла, однако мелкие расходы все равно накапливались. Продукты в супермаркетах стоили вдвое дороже, чем в Штатах, а курс фунта стерлингов был как никогда высоким. Я не знала, как смогу оплатить счет.

Шон говорил, что американским студентам сложно работать в Шотландии. Я бы спросила совета у Розы, будь она была в городе, но сейчас не хотела беспокоить во время работы. Эндикотт выглядел, как и всегда, неприступно, а Уильям... Мне не хотелось, чтобы Уильям знал, что я отчаянно нуждаюсь в деньгах. Поэтому я старалась никуда не выходить и просто работала.

А еще мне не хотелось, чтобы Уильям знал, что я думаю о нем. Надеюсь столкнуться с ним, я почти каждый день находила предлог, чтобы пройти мимо его кабинета. И даже несколько раз возвращалась в собор в надежде на случайную встречу, но наши пути не пересекались.

Однажды Катрина увидела, как я слоняюсь возле кабинета Уильяма.

– Ждать тебе придется долго, – заметила она. – Уильям занимается исследованиями в Париже. – Помолчав, она добавила: – Я бы не прочь однажды поехать с ним. Он довольно симпатичный на вид.

Я сделала вид, что не понимаю, на что Катрина намекает:

– Вообще-то я искала тебя! Не хочешь выпить со мной чаю?

Катрина ненадолго задумалась:

– Минуточку. Я только сохраню файл, над которым работала.

С этими словами она направилась к себе в кабинет и вскоре вернулась, закутанная в серый шерстяной шарф и пальто.

Катрина отвела меня в чайную, идти до которой оказалось не близко, однако там подавали самые разные чаи и выглядело местечко куда более стильно, чем «Джианни». Я хотела спросить об Уильяме, но вместо этого спросила ее о Мадлен Гранжье.

– Я считала Гранжье высокомерной, – ответила Катрина. – Они с Эндикоттом вроде как ладили, но их подопечным всегда приходилось соперничать. Все мы думали, что Гранжье с Эндикоттом либо ненавидят друг друга, либо трахаются. Возможно, и то, и другое. Конечно, смерть Гранжье меня шокировала, но Эндикотт – лучший преподаватель на кафедре, и тебе повезло, что теперь он твой научный руководитель.

– Жестоко так говорить.

Катрина откинулась на спинку стула.

– Я шокировала тебя? Я не специально. Иногда я бываю прямолинейной.

Сделав еще один глоток чая, я решила не упоминать о том, что подслушала слова Люка в библиотеке.

– Вы с Розой близки?

– О, я обожаю Розу. Раньше мы славно отрывались.

– Неужели?

– У меня есть богатые родственники, поэтому я хорошо ее понимаю. Она вечно занятая. Утверждает, что близка к важному научному открытию.

– Тема ее докторской звучит действительно интересно, – заметила я. – Роза сейчас с кем-нибудь встречается?

– Она говорит, что нет, но я подозреваю, что она лукавит. – Катрина мечтательно вздохнула. – Наверное, Роза нашла себе горячего итальянца. Собираясь в Италию, она становится веселой, напевает и покупает сексуальное белье. Эй, ты же вроде говорила, что вы подруги?..

Остаток недели я посвятила созданию электронных таблиц для отслеживания материала, который собрала о придворных дамах двора Екатерины Медичи. Прошел месяц с тех пор, как я перестала пить таблетки, но синдром отмены еще не прошел – в некоторые дни меня ужасно тошнило.

В субботу я прогулялась до пляжа и вышла на туристическую тропу, по которой поднялась на вершину холма. Вид отсюда открывался потрясающий. Было здорово по-новому взглянуть на Сент-Стивенс. Вернувшись в университет, я увидела на ступеньках библиотеки Шона. Я рассказала ему о своей прогулке, и его глаза расширились.

– Да, с холма открывается живописный вид. Кстати, именно оттуда сорвалась Мадлен Гранжье.

– О... – вырвалось у меня. – Лучше бы ты мне не говорил.

– Если хочешь, я могу показать тебе еще другие места для прогулок, – предложил Шон.

– Да, как-нибудь в другой раз.

Мое желание ходить на прогулки несколько поутихло, и остаток выходных я провела за просмотром старых фильмов, которые взяла в библиотеке. Просмотр сопровождался поеданием попкорна, который был неприятно сладким, и огромным количеством «Айрн брю», шотландской газировки оранжевого цвета, по вкусу больше напоминавшую химикаты, чем апельсины. Выпив несколько бутылок, я почти почувствовала себя местной жительницей.

Следующим утром позвонила Роза и спросила, не хочу ли я пойти с ней на занятия по гольфу.

– Для студентов занятия бесплатные. Я играю в гольф, но получается у меня ужасно, – простонала Роза. – Но порой нужна физическая нагрузка, чтобы отвлечься от мыслей. Особенно когда так сосредоточенно работаешь. Согласна?

Первые несколько уроков проходили на тренировочной площадке для гольфа. На самом деле Роза играла в гольф довольно неплохо. Я обнаружила, что мне нравится бить по мячу и смотреть, как он летит. Из-за акцента я почти не понимала, что говорит инструктор, однако стоило сосредоточиться на мяче – и я забывала о своей докторской диссертации, погибшем руководителе и прошлых проблемах. После часа занятий я каждый раз замечала, что тошнота утихает и мне становится легче дышать, пусть даже после захода солнца становилось так холодно, что я едва чувствовала руки. К тому же от клюшки у меня появились мозоли – несмотря на перчатки. После занятий мы с Розой заходили в «Куайч», чтобы выпить горячего тодди – пунша из рома, меда и лимона.

Мысль о большом количестве свободного времени пугала, поэтому каждый день я ходила в так называемые «специальные коллекции», где до закрытия искала материалы в цифровой

базе данных полнотекстовых научных журналов, а также книг. Я старалась не обращать внимания на головную боль из-за отмены лекарств. К середине октября я решила придерживаться своей первоначальной темы. Екатерину Медичи окружало множество придворных дам. С исторической точки зрения существует много вариантов освещения этой темы.

Пока я работала в «специальных коллекциях», лето сменилось осенью. Дни становились короче, и скудный дневной свет едва просачивался сквозь тонкий туман облаков. Солнце лениво появлялось около восьми утра и начинало клониться к горизонту около трех пополудни. Ночи сменяли друг друга одна за другой. Осенние краски были бледно-бежевыми и тусклыми, особенно по сравнению с багряно-желтой палитрой, знакомой мне по Новой Англии.

Я скучала по октябрю в Штатах. Здесь штормы приходили и уходили, гонимые морем. И каждый день шел дождь.

– Четыре времени года за один день, – сказала женщина в чайной.

Мне же казалось, что время года остается одним. Раз в неделю я звонила маме, но разговоры наши были напряженными и полными недомолвок. Я придерживалась нейтральных тем, таких как погода, и не признавалась, что мне одиноко.

– Главное, что ты в порядке, – говорила мама, но я знала, что она имеет в виду: «Главное, что ты не поддерживаешь с ним связь».

После прекращения приема лекарств голова порой будила меня по ночам или начинала болеть в библиотеке. Единственное, что помогало, – это прилечь и приложить ко лбу холодное полотенце. В некотором смысле пребывание в новом месте отвлекало меня, на что я и надеялась. Я понимала, что однажды мне придется столкнуться с реальностью, но только не сейчас. Сейчас я слишком занята.

В то же время меня не покидало ощущение, что в Сент-Стивенсе происходит что-то неладное. Я все еще была расстроена смертью моего научного руководителя – а ведь мы даже не были знакомы! Кроме меня, казалось, никто не переживал. Неужели Мадлен Гранжье и правда недолюбливали? И что с тем разговором, который подслушал Люк? Нет, дело не только в Мадлен Гранжье. Атмосфера в Сент-Стивенсе отличается от других университетов, где я бывала. Повсюду царит напряженная тишина, как будто все хранят какую-то тайну, о которой не знаю только я. Но опять же, я здесь чужая. И храню свои собственные тайны. Скорее всего, это со мной что-то неладно.

Моей любимой частью дня был завтрак с Шоном. В перерывах между работой я общалась с Розой. Общение с ней давалось мне легко. Я всегда была одиночкой, однако скучала по Розе, когда ее не было рядом. Общение с ней помогало мне забыть о прошлом и перестать заикливаться на профессоре Гранжье.

– Вы с Розой очень сблизились, – заметил Шон однажды за завтраком.

– Что есть, то есть, – согласилась я. – Кроме тебя и Розы у меня нет друзей. Похоже, что большинство докторантов разбились на парочки. Или со странностями. Мы с Мейрид частенько видимся в библиотеке и говорим о том, чтобы было бы неплохо сходить выпить чаю, но ни разу так и не собрались. Да и потом, у меня столько работы! Совсем нет времени на общение!

– Нет ничего плохого в том, чтобы иногда веселиться. С другой стороны, нельзя терять бдительность.

Я и правда беспокоилась о том, что отстаю. Что мне нужно что-то доказать – Эндикотту, Катрине, Розе. А еще мне хотелось добиться расположения Уильяма, пусть я и пыталась не подавать виду. Раньше учеба мне давалась легко. Преподаватели всегда ставили мне высокие оценки и много хвалили. Я была лучшей по большинству предметов, не прилагая особых усилий, но это казалось ерундой по сравнению с удовольствием от самого процесса учебы.

– Можно тебя спросить о том, что не дает мне покоя? – обратилась я к Шону. – Вопрос может прозвучать немного странно.

– Я люблю странности.

– Эта странность тебе не понравится. Однажды я пошла в библиотеку и увидела на лестнице Люка. Он с кем-то разговаривал и упомянул, что в их последнюю встречу Мадлен Гранжье выглядела обеспокоенной. Люк услышал, как она говорила о некоей проблеме, которую нужно обсудить. Потом она умерла. Люк как будто намекал, что эта смерть не была случайностью.

– Да, эта странность мне и правда не нравится. Знаешь, с кем Люк говорил?

– Женщину я не узнала. Может быть, ты слышал что-то о Мадлен, что-то, что показалось тебе необычным? Какие-нибудь слухи?

– За пару недель до ее смерти я заходил к ней в рабочее время. Мадлен не была моим научным руководителем, но она много знала о католических беженцах. В тот день Мадлен явно была не в духе и быстро выпроводила меня из своего кабинета, якобы у нее была назначена встреча со студентами, хотя на двери висело расписание, в котором не было никакой встречи. Вот и все. На твоём месте я бы не задумывался о смерти Мадлен. Вряд ли мы когда-нибудь выясним больше подробностей. Лучше уж сосредоточиться на исследованиях.

– Я пытаюсь.

– Как тебе профессор Эндикотт, получается с ним работать?

– Конечно, – ответила я. – Но всякий раз, когда я иду к нему, у меня складывается ощущение, что я отрываю его от гораздо более важных дел.

– Вероятно, так и есть.

– Ха, я знала, что ты так и скажешь. Все же трудно воспринимать его как профессора, а не обычного человека. Кстати, он женат? У него есть дети?

– Профессор Эндикотт женат на работе. Впрочем, это обычная история для ученого. Хотя даже для англичанина он слишком тщательно скрывает свою личную жизнь. Говорят, что у него есть девушка из другого университета, но мы никогда ее не видели.

В субботу вечером я пошла в библиотеку, чтобы вернуть несколько просроченных книг. У стола выдачи стоял Уильям. Жаль, что сейчас я в спортивных штанах. Пригладив волосы и ущипнув себя за щеки, чтобы придать коже здоровый румянец, я встала в очередь за ним и тронула за плечо.

– Привет, незнакомец.

Он обернулся.

– О, здравствуй.

– Что ты взял? – Я заглянула ему через плечо, чтобы посмотреть, какую книгу ему передали. Обложка была потертой, а сверху жирным готическим шрифтом были написаны слова «Oeuvres poétiques». – Так ты читаешь стихи? Для удовольствия?

– Ни слова больше, – прошептал он. – Хочу сохранить репутацию историка-аскета.

– Не ты ли говорил, что чтение разных книг дает представление о мире?

– Отличная память.

– Не знала, что ты вернулся. Если есть время, может, выпьем кофе?

– Звучит заманчиво, но сегодня субботний вечер, и у меня уже назначено свидание.

– Оу. – Я устала вниз.

– С пожилым господином по имени... – он повернул книгу, чтобы я могла видеть корешок, – Иоахим дю Белле. – Я невольно улыбнулась. – Сначала занесу книгу и еще кое-что домой. Встретимся в «Куайч» через полчаса?

Дома я почистила зубы, нанесла три слоя туши и блеск для губ. Надела юбку и черные кожаные туфли на каблучках, которые купила после того, как получила первую работу на полный день после университета.

На парковке у паба спорили двое мужчин, я спешно прошла мимо.

Уильям ждал меня у входа, несколько секунд я кожей чувствовала его одобрителный взгляд.

– В «Куайче» уже яблоку некуда упасть, но я знаю место, где будет меньше пьяных студентов.

Свернув в переулок рядом с кафе «Замок», мы спустились в небольшой бар, который занимал подвал уютного на вид дома. Устроившись на замшевом кресле неподалеку от камина, в глубине помещения, я одобрително сказала:

– Тут мило.

– Всегда нужно иметь план «Б», – улыбнулся Уильям.

Посетителей для выходного дня было немного. Чуть поодаль столик был занят группой женщин, одетых в одинаковые розовые футболки, пластиковые короны с перьями и пурпурные боа. Они громко разговаривали.

– Что тебе принести? – спросил Уильям. – Виски с содовой? Только тут никаких изысканных сортов.

– Я и мечтать не смела. Смешивать односолодовый напиток с чем-либо, кроме льда, запрещено шотландским законодательством.

К барной стойке выпорхнули две девушки – блондинка и симпатичная рыженькая.

– Это мой девичник, – услышала я высокий голос рыжей. Она наклонилась к Уильяму и что-то прошептала, накинув боа из перьев ему на шею. Он покачал головой, затем оглянулся на меня и снял боа, аккуратно надев его обратно на девуцу, похлопав ее по плечу. Женщины ушли.

Вернувшись с выпивкой, Уильям занял соседнее кресло.

– Как погляжу, тебе приходится отбиваться всеми силами, – пошутила я.

– Да. Сама знаешь, каково это.

– Кто, я? Нет, не очень.

– Ни на секунду не поверю, – покачал головой Уильям. – Я видел, как Шон смотрел на тебя в пабе тем вечером. Ты даже не осознаешь, какое действие оказываешь на людей.

Я поднесла стакан с виски к губам и сделала глоток.

– Давай вернемся к поэзии. Неужели ты и правда читаешь стихи забавы ради?

– Сегодня – нет, но вообще бывает.

– Любимые поэты?

– Пабло Неруда.

– Он пишет получше, чем Пьер Ронсар.

Уильям улыбнулся.

– Ронсар написал несколько прекрасных стихов. Я тебе как-нибудь их зачитаю.

– С удовольствием послушаю. Кстати, как там Париж?

– Париж – это Париж. Он прекрасен, как и всегда. В этот раз было много работы. Я организовываю конференцию, она состоится через несколько месяцев. Как говорится, «нет покоя нечестивцам».

Рассмеявшись, я покачала стакан в руке.

– Ты часто бывала в Париже? – поинтересовался Уильям.

– Можно и так сказать. Во время учебы я подрабатывала и на отложенные деньги уезжала летом в Европу. По-английски я говорила только при необходимости. Некоторое время я пробыла опэр в итальянской семье. После окончания университета я некоторое время жила в Париже – работала с одним профессором над проектом по каталогизации.

– Тот самый профессор, у которого училась Роза. Вирет?

– Именно. Ты его знаешь?

– Лично не знаком, но, конечно, читал его работы. Он взял тебя на работу сразу после окончания университета, это впечатляет. Теперь понятно, почему твои французский и ита-

льянский так хороши. По крайней мере, на бумаге. Я должен сам послушать, чтобы удостовериться.

Он протянул руку, как будто собирался коснуться моей ладони, но поднял свой напиток.

– Приложу все силы, чтобы не разочаровать тебя, – шутливо произнесла я, откинувшись на спинку кресла. – Здесь особая культура распития алкоголя. Мне стоит быть поосторожнее с виски.

– Забавно, но Мадлен Гранжье однажды сказала, что за выходные в Шотландии она выпила больше, чем за целый месяц в Сорбонне.

При упоминании ее имени я вздрогнула, и Уильям, похоже, заметил, что мне некомфортно.

– А откуда ты родом... Нью-Йорк, верно?

– Почти угадал. Бостон. А ты?

– Ах, ты знаешь, отовсюду.

Я отпила виски, удивляясь, почему он уклонился от ответа на такой простой вопрос.

Дверь открылась, и внутрь бара ворвался холодный воздух. К барной стойке шла Катрина, а за ней – Берти, словно они не были знакомы. Катрина прошипела на ходу:

– Хрень собачья! Это все она. Как же все достало!

– Тебе не стоило вмешиваться. Я всего лишь пытаюсь помочь.

– Отвали.

Я втянула голову в плечи и отвернулась.

– Может, они нас не заметят, – с надеждой пробормотала я, осушив стакан.

– Пригнись и следуй за мной, – вполголоса приказал Уильям. – Выберемся через черный ход. Мой приятель работает на кухне.

На улице мы остановились перед забором, чтобы полюбоваться руинами замка. Дождь намочил городок, но облака уже разошлись, показался серп луны. Под мысом, на котором замер замок, раскинулся крошечный участок пляжа, известный как Касл-Бич. Мы смотрели на спокойное море, тусклый ломоть луны и едва видневшиеся голубовато-ледяные звезды. На душе было безмятежно и легко.

С неба снова закапала морось, и Уильям предложил проводить меня до дома. Мы миновали пустынный в этот час двор, мрачный собор. Холодный влажный воздух незаметно пробрался под одежду, заставляя меня поежиться. Уильям снял пальто и накинул его мне на плечи.

Путь к моему дому лежал через пустую парковку, заваленную бутылками и окурками. Когда мы подошли ко входной двери, со стоянки отъехала машина, в которую набились шесть пассажиров.

– Вот и все, пришли. – Я указала рукой на дверь.

Лунный свет отбрасывал длинные тени на фасад – это подрагивали в серебристом отблеске ветви деревьев. Я представила, как прижимаюсь спиной к двери, притягиваю к себе Уильяма за воротник куртки и целую его.

– Спасибо за выпивку и за то, что проводил меня.

– Спасибо тебе. Я отлично провел время. На самом деле давненько мне не было так хорошо.

– Похоже, ты удивлен.

– Может быть, чуть-чуть.

Вставив ключ в замочную скважину, я обернулась к Уильяму:

– Тебе действительно стоило подумать над предложением той, рыжей.

– Ты о невесте? Считаю меня узколобым, но право первой ночи никогда меня не привлекало. Кроме того, она не в моем вкусе.

– А кто в твоём вкусе?

Он вздернул подбородок и произнес насмешливо-серьезным тоном:

– Отчаянно умные, невероятно сообразительные... историки.

Большую часть воскресенья я провела в постели, слушая стук дождевых капель по стеклу и фантазируя об Уильяме.

Понедельник выдался холодным. Утром по электронной почте пришло письмо, в котором сообщалось, что я могу занять свое место в кабинете. Также мне написала Роза. Она вернулась и будет освобождать офис от своих вещей. Господи, она повторяла это так часто, я едва сдержалась, чтобы не удалить сообщение.

И вот я уже подошла к зданию факультета и стояла перед маленькой красной дверью.

В кабинете один из столов был занят Мейрид. Она скрестила руки на груди, плотно сжав губы. Картину довершали надетые наушники. Мейрид подбородком указала на пустой стол в углу. Люминесцентные лампы, горящие под потолком, отбрасывали бежево-желтый свет на выдавший виды линолеум.

– Большую часть своих вещей Роза забрала утром, – пояснила Мейрид, снимая наушники. – Позже она вернется за остальными.

На стене за столом Розы висели хронологические таблицы шестнадцатого и семнадцатого веков: перечень французских и испанских монархов, а также пап. На столе лежали несколько блокнотов, рядом покоилась стопка книг. На самом верху находилась красная книга, которую я нашла в комнате отдыха. Я подошла ближе, чтобы рассмотреть огромный фолиант, и уже протянула руку, когда раздался голос Мейрид:

– Не трогай. Она не любит, когда кто-то трогает ее вещи.

– Хорошо. – Я невольно отступила.

Внезапно дверь распахнулась и с глухим стуком ударила о стену. В кабинет вошла высокая женщина в флисовой куртке с надписью «Сент-Стивенс». Ее лицо показалось мне знакомым. Где же я могла видеть ее прежде?

– О, привет! Ты новая соседка Мейрид по офису? Изабель? – спросила она. У нее был легкий шотландский акцент. – Меня зовут Дэнни. – Женщина протянула мне руку, хватка ее была необычайно сильной. – Играешь в шинти?

– Шинти? Что это?

– Что это? – передразнила она, пытаясь имитировать американский акцент. – Шинти – самая чудесная полевая игра в мире, вот что это. У нас лучшая команда, мы даже даем турне по Шотландии. Хочешь присоединиться? – В этот момент я поняла, где видела Дэнни. Именно она говорила с Люком на ступеньках библиотеки.

– Не знаю, Дэнни. Я уже посещаю занятия по гольфу. Но... спасибо.

– Жаль, что ты не с нами. – Она подошла к книжному шкафу и достала папку: – Тогда я пошла.

Дверь за ней захлопнулась. Мейрид снова уставилась в экран.

– Приятно было повидаться, Мейрид, – обратилась к ней. И не дожидаясь ответа, который, как я знала, не последует, вышла из кабинета, который должен был стать моим.

Глава седьмая

Перед стойкой выдачи библиотеки стояла Роза – она возвращала книгу. Сегодня она была одета в черный кашемировый свитер, темные джинсы, перчатки без пальцев и тяжелые армейские ботинки.

– Роза! – громко позвала я. Она резко обернулась, шагнула вперед, протянув руки, и крепко обняла меня.

– Пойдем со мной. – Роза взяла меня за руку и повела в комнату, где мы встречались раньше. Она прибавила в весе, и ее лицо казалось круглее, чем раньше. Роза придвинула стул и села: – Как твои дела? Извини, что за последнюю неделю почти не писала. Ты должна все мне рассказать, только сначала... У тебя есть пара минут, чтобы послушать краткий обзор? Я немного в шоке: они назначили мое выступление на следующий месяц. Я все думала о том, что ты сказала о Терезе Дю Монтур и ее браке с Федерико Фальконе. Так много точек соприкосновения.

– Я вся внимание.

– Так вот. Много тебе и так известно...

– Роза, все хорошо, выдохни, – сказала я, – и просто начни. Не нужно редактировать на ходу. Я слушаю.

– Ты самая лучшая. – Она, вроде, немного расслабилась. – В шестнадцатом веке Фальконе были ткачами и торговцами текстилем в Генуе. Ты знаешь, что джинсы появились в Генуе? И название получили в честь этого города. Только тогда их шили из парусины.

Семья Фальконе не принадлежала к высшей знати, но они жаждали войти в высшие круги общества. К сожалению, моя ветвь семьи отделилась от генуэзских корней, потому что они участвовали в восстании для свержения дожа Андреа Дориа. И вынуждены были бежать во Францию.

Отец семейства, Джованбаттиста, увез жену и детей во Францию в 1557 году. Старший сын умер, Федерико был вторым по старшинству ребенком в семье. Следом за ним шли дочери, Джулия и Элизабетта, самым младшим ребенком в семье был Пьеро, который в дальнейшем стал епископом. Овдовев, Джованбаттиста женился во второй раз, и у него родился сын Томмазо. Екатерина Медичи пригласила ко двору всю семью Фальконе и пожаловала им титулы и должности.

Сейчас нас волнуют только Федерико и Томмазо. И конечно же Екатерина – она связующая нить. По поручению Екатерины Медичи Федерико и Томмазо Фальконе отправились в Америку, потому что Франция была заинтересована в развитии торгового пути с Бразилией. Кроме этого Федерико служил неофициальным советником для трех сыновей Екатерины, которые стали последними королями Франции из династии Валуа.

Роза перевела дух и спросила:

– Есть вопросы на данный момент?

– Они сохранили верность итальянским корням или говорили по-французски?

– Хороший вопрос. Семья разделилась. Или, может быть, они просто играли за обе стороны против середины. Фальконе были меценатами. Кроме того, у Федерико был кабинет диковинок природных чудес, которые он находил во время путешествий, и драгоценных камней, включая уникальный изумруд. Еще я нашла информацию о заговоре с целью покушения на убийство. И все это лишь иголка в стоге сена данных, которые я обнаружила в архивах. – Роза сделала паузу, наблюдая за моей реакцией.

– И кто же был целью покушения?

– Уже заинтригована, Изабель?

– Определенно.

– Это забавно. Иногда я не могу поверить своей удаче. Тема, которую я выбрала, изобилует богатой и интересной документацией, но при этом другие историки упустили ее из виду.

– Звучит здорово, – восхитилась я.

– Божечки, прости, меня опять понесло! Я могла бы говорить о Фальконе часами, и иногда меня переполняет излишний восторг. Если подумать, то эта тема во много стала вызовом для меня. – Роза откинула волосы назад, заправив прядь за ухо. – А как твои исследования, Изабель? Как продвигаются дела? Должно быть, ты чувствуешь себя потерянной? Это чувство испытывают почти все докторанты.

– Спасибо за заботу, я ценю ее. Полагаю, исследования продвигаются нормально.

– Точно? Ты выслушала меня, теперь мой черед. Я умею слушать.

– Спасибо, Роза. Сейчас я кое над чем работаю и обязательно дам знать, когда будет чем поделиться.

– Отлично. – Она посмотрела на часы. – Тогда созвонимся позже.

Положив руку на живот, Роза поднялась, поцеловала меня в щеку и выпорхнула из комнаты, не дожидаясь ответа. За ней тянулся шлейф аромата ее цветочных духов.

Вместо того чтобы вернуться к своему месту, я подошла к окну – понаблюдать за тем, как солнце медленно тонет в море. Взгляд невольно скользнул по двору. На ступеньках стояли Роза и Уильям. Перед тем, как попрощаться, Роза на несколько секунд положила руку на плечо Уильяма. Они стояли совсем близко, потом по-европейски поцеловали друг друга в обе щеки. Уильям направился прочь от библиотеки, и Роза некоторое время смотрела ему вслед.

Спустя несколько часов от нее пришло голосовое сообщение:

– Дорогая, спасибо, что выслушала краткий обзор моей истории о Фальконе. Какие планы на завтра? У меня есть сюрприз... Но тебе придется втиснуть меня в свое плотное расписание. Как ты смотришь на то, если я заскочу около десяти? Перезвони мне, если время тебе не подходит. Иначе завтра и увидимся. Чао, белла!

Глава восьмая

Рано утром следующего дня меня разбудили настойчивые гудки клаксона, доносившиеся с парковки. Я вспомнила сообщение Розы и сбежала вниз по лестнице.

Роза курила, прислонившись к темно-синему Mini Cooper. Увидев меня, она элегантно, словно делая танцевальное па, раздавила окурочек.

– Готова, соня?

– Мне кажется, в сообщении речь шла о десяти часах.

– А мне кажется, что ты ранняя пташка. Завтра к полудню я верну тебя на это самое место. Promis juré! – В ее французском не было американского акцента. – Пожалуйста, для меня это очень важно.

– Сегодня мне нужно поработать. Но я не против вместе позавтракать.

– Изабель, разве мы не подружки? Как насчет приключения? Или ты настолько важная фифа, что не можешь взять отгул в выходной день? – Роза подошла и обняла меня. Не выпуская меня из рук, она отступила на шаг. – Будет весело! И еще мне кажется, что тебе не помешает отвлечься от работы. Ты совсем заработалась. – Роза снова обняла меня. – Я, к слову, тоже не прочь провести время с подружкой. На меня давят со всех сторон – слишком много напряжения.

– Хорошо, хорошо, – кивнула я. – Что мне надеть? Мы будем на природе?

– Нет, надень что-нибудь для прогулки по городу. Ничего вычурного. В основном мы будем ездить на машине и осматривать окрестности.

Я бросилась наверх, затолкала в спортивную сумку несколько вещей, не особо заботясь, помнутся они или нет.

– Так куда мы едем? – спросила я. Ветер, дувший из приоткрытого окна, подхватил слова. Мы ехали уже полчаса.

– Зачем переспрашиваешь? Я же сказала, что это сюрприз.

– Ненавижу сюрпризы. – Я нахмурилась, но глаза Розы были устремлены на дорогу, поэтому она не заметила.

– Тебе понравится. Поверь мне.

– Ты уверенно ведешь машину по левой стороне.

– К этому привыкаешь. К счастью, Восточное побережье подготовило меня к езде по обледенелым дорогам.

– А помнишь праздничную вечеринку Итальянского общества? Там было полно твоих друзей, но ты составила мне компанию, пока я собирала взносы.

– Точно! Ты очень мило вызвалась помочь. Тогда мы собрали кучу денег.

– А помнишь парня, Марка? Ты познакомила меня с ним.

– Марк, хм, Марк... погоди, Марк Уилсон?

– Не Уилсон. Худой, с грустными глазами, весь в татуировках. О, он был одержим Ницше.

– А, этот Марк! Значит, вы переспали? Рада за тебя. А я тогда тусила с его соседом по комнате. Кажется, его звали Сет. Да, так всех и не упомянуть...

– Ах, молодая и неугомонная Роза. Все хотели тебя.

– Неужели? Обольщение всегда давалось мне легко. Но для меня увлечение быстро сменяется скукой. Либо страсть, либо безразличие – никогда золотой середины в чувствах.

Некоторое время мы молчали, потом я сказала:

– Скупаю по профессору Вирету.

– И длинным лекциям, которые он продолжал читать даже после окончания занятия?

– Да, но они были великолепны. Из-за него я влюбилась в Клода Шаброля.

– Я выросла на французских фильмах, мы смотрели их с мамой. – Роза бросила на меня короткий взгляд. – Она была наполовину француженкой. Не помню, рассказывала ли я тебе когда-то.

– Поэтому у тебя такой хороший французский?

– Мама умерла, когда мне было шестнадцать. Рак.

– Не помню, чтобы ты когда-нибудь говорила мне, Роза.

– Ты близка с родителями?

– Пожалуй, с мамой. Отец ушел, когда мне было двенадцать. Ничего с тех пор о нем не слышала.

– Это ужасно. – Роза постучала по рулю и несколько минут ничего не говорила. – Это залив Ферт-оф-Форт, – сообщила она, когда мы въехали на мост, пересекающий широкую реку. – «Ферт» переводится как «фьорд», а «форт» – как «река». Ферт-оф-Форт. С шотландским «р». Сейчас мы пересекаем реку «Т-э-й», шотландцы произносят ее как «Ти». Мост, на котором мы сейчас находимся, разваливается от старости. В буквальном смысле. Металлические тросы лопаются один за другим.

– Неужели нет объезда?

– Боюсь, что нет. Я думала, тебе понравится ощущение опасности, азарта! Разве не поэтому мы решили изучать историю?

Я непринужденно рассмеялась, но вцепилась в приборную панель.

Мы съехали с трассы М-90 на трассу А-90.

– Эдинбург, – заметила я. – Мы едем в Эдинбург? Я никогда там не была.

– Что? Ты никогда не была в Эдинбурге?

Роза провезла меня через центр города, мимо домов из темного песчаника. Мы поднялись на один холм за другим. Эдинбург представлял собой мрачную и миниатюрную версию Лондона, одной ногой твердо стоявший в прошлом. На главной, как мне показалось, торговой улице Роза припарковалась перед рядом шикарных бутиков и повела меня в один из них.

– Рада видеть вас, мисс Брюстер, – поздоровалась продавщица с сильным акцентом, присущим жителям Западного побережья. Я уже научилась различать акценты Восточного и Западного побережья. Роза однажды заметила: если человек говорит так, что ни слова не понятно, то значит, что он из Глазго.

– Привет, Вера, – отозвалась Роза, махнула рукой в мою сторону и добавила: – Это Изабель, моя хорошая подруга. Она тоже американка!

Нас провели к креслам, и одна из продавщиц принесла нам чай. Вера тем временем ушла, а потом вернулась с платьями и принялась показывать их одно за другим.

– Я взяла на размер побольше, чем в ваш прошлый визит, мисс Брюстер. Знаю, что вы не любите носить тесную одежду.

– Пора бы мне уже завязать с булочками, – вздохнула Роза, выбрала два платья и направилась в гардеробную со словами: – А теперь подыщите что-нибудь для Изабель.

Часом позже рядом лежала гора перемерянных нами вещей, включая шляпы, украшения и обувь. Роза что-то сказала, я рассмеялась и продолжала хохотать. Не в силах остановиться, я села и откинулась на спинку кресла. Постепенно смех перешел в истеричное всхлипывание, и я уронила голову на руки. Роза подошла и обняла меня.

– Все хорошо. Тише, не плачь. – Она легонько погладила меня по спине.

– Мне... я... – выдавила я между всхлипами.

– Думаю, приехать сюда была хорошей идеей, – сказала Роза. Потом встала и подошла к платью, которое никто из нас еще не примерял. – Ресторан, куда мы пойдем сегодня вечером, довольно шикарный. – Она сняла платье с вешалки и протянула его мне. – Мне следовало упомянуть об этом утром.

Платье сидело так хорошо, будто его сшили специально для меня. Крой подчеркивал талию, а цвет – глаза. Я взглянула на ценник:

– Двести пятьдесят фунтов!

На мгновение воцарилась тишина. Потом Роза повернулась к Вере:

– Я это беру. – Она протянула продавщице черный бархатный жакет. – А еще это, это... и это!

Я вышла на улицу и, проверив телефон, стала ждать Розу. Она появилась через несколько минут, и вскоре мы уже поднимались по горе в сторону Эдинбургского замка. Когда машина проезжала мимо, я спросила:

– Мы что, не зайдем?

Роза криво усмехнулась.

– Нет, на эти выходные я хочу тебя монополизировать. Да и вообще, в Эдинбургском замке не очень-то интересно. Ох... я умираю с голоду. И от жажды!

Мы подъехали к отелю, похожему на викторианскую усадьбу на съёмочной площадке где-нибудь в Голливуде, и припарковались на склоне.

Роза зарегистрировала нас и заказала чай. Наша комната, которая оказалась гораздо больше моей квартиры, была украшена фиолетовой шелковой драпировкой и кроватью с балдахином.

– Не номер, а сказка. Скажи? – посмотрела на меня Роза.

– Как мы его оплатим? Ограбим банк? Это и есть твой сюрприз?

– Глупенькая. Все за мой счет!

В дверь постучали. Роза поднялась с бархатной подушки и впустила носильщика, который занес мою спортивную сумку, ее ручной саквояж, чемодан с монограммой и четыре пакета из магазина одежды.

– Это тебе. – Роза передала мне один из пакетов.

Заглянув внутрь, я вытащила платье, которое примеряла последним.

– Я верну платье в магазин, если оно тебе не нравится. А в этом пакете туфли.

– Конечно, платье мне нравится! Оно просто шикарное. А туфли! Нет, это слишком. Я не могу принять такой подарок. Я придумаю, как расплатиться с тобой.

– Позволь мне самой судить о том, что слишком, а что нет, – возразила Роза. – И занимайся своими делами. Например, ограбление банка спланируй.

Роза отмахнулась от моих дальнейших возражений, и мы отправились пить чай. Чай подавали в большом атриуме, украшенном темными папоротниками. Официанты принесли нам серебряное трехэтажное блюдо, на котором лежали тонкие треугольные сэндвичи и пирожные со взбитыми сливками. Еще они принесли бутылку розового шампанского, которое заказала Роза, но выпила я.

Вернувшись в номер, я легла на кровать. Комната кружилась перед глазами, но это было довольно приятно. Роза легла рядом, проглядывая что-то на телефоне, и я незаметно уснула, а проснувшись, обнаружила подругу у камина. Она сидела на диване и щелкала мышкой на своем ноутбуке.

– Привет, соня, – сказала Роза. – Я скоро закончу. Ты пока собирайся.

Я приняла душ, высушила волосы и нарядилась. Затем надела новое платье.

– Меня развезло от шампанского, – призналась я, зевая. – Разве ты не устала?

– Нет. Я буду отдыхать, когда умру.

Роза ушла в ванную и минут через двадцать вернулась преобразившейся: подведенные черным карандашом глаза, ярко-красные губы, элегантный пучок... Она больше напоминала хостес, чем усердную докторантку. Я влезла в новые туфли, и мы, взявшись за руки, спустились по широкой лестнице, потом прошли через внутренний дворик и оказались у ресторанчика в викторианском стиле.

Роза хотела было заказать дегустационное меню, но я возразила – мол, еды будет слишком много, поэтому мы остановились на салате и местной рыбе.

– Красное или белое? – спросила она. – Тебе нравится «Сансер»?

– Я знаю о вине только то, что люблю его пить.

– «Сансер» из долины Луары – лучшее белое вино в мире, – пояснила Роза.

– Я помню, что королевские войска осадили Сансер, потому что он был оплотом протестантов.

– Кажется, там было что-то о каннибалах? – заметила Роза.

– В эссе Монтеня «О каннибалах» бразильское племя тупи сравнивалось с французами в Сансере, однако в отличие от французов тупи сохранили свое достоинство.

– О да! Лично мне больше всего нравится его эссе «О дружбе». Монтень считал, что счастлив тот, кому довелось встретить настоящего друга. Ты веришь в настоящую дружбу?

– Я ее не встречала.

– Встречала! И я тоже! С тобой. – Роза поднесла свой бокал к моему. – А ты разбираешься в Монтене.

– Я чувствую с ним некое родство. Не только потому, что у нас обеих матери – еврейки.

– Мне нравится, что его эссе начинались как воображаемые письма к умершему другу. Как поэтично! – Роза сделала глоток воды. – К слову о каннибалах. Как насчет сладкого?

– Роза, мы недавно пили чай, а потом поужинали салатом и рыбой! Ты с ума сошла. – Я откинулась на спинку стула, и она повернулась ко мне.

– Теперь, когда мы пьяны, я могу рассказать тебе все свои тайны, и наутро ты все забудешь.

– Тайны?

– Пока я искала документы для докторской, то обнаружила несколько интересных писем. И сейчас я расскажу, что в них было... – Роза сделала паузу и смерила меня пристальным взглядом. – Но ты должна сохранить это в тайне.

Я накрыла ее руку своей.

– Быть может, я не такой верный друг, как Монтень, но я никогда не предаю твое доверие.

Роза наклонилась ко мне поближе.

– Екатерина Медичи послала Федерико Фальконе с тайной миссией в Бразилию, куда давно хотела наладить торговый путь. Федерико снабжал коренное население оружием – для защиты от испанцев и португальцев. В итоге у него оказался изумруд, о котором я упоминала. Федерико привез изумруд обратно в Европу, намереваясь подарить Екатерине Медичи. – Она откашлялась.

– Как здорово! Что ты нашла? Святой Грааль? Философский камень?

Она улыбнулась.

– Бразильские племена, подобные тем, о которых писал Монтень, имели тысячелетнюю историю. Что, если я скажу, что некогда они были матриархальными? После того, как европейцы колонизировали Америку, все остатки матриархата были уничтожены. Изумруд символизирует ушедшую эпоху.

– К чему ты клонишь? Федерико заставил бразильцев отдать самое ценное, что у них было, и я должна им восхищаться?

Роза поспешно подняла палец, останавливая меня.

– Суть изумруда в том, что он символизирует. Послушай... – Она сделала глоток вина и положила руку на живот. – Возможно, мне придется попросить тебя... о некоем одолжении. У меня кое-что случилось, и я не знаю, как с этим справиться.

– С чем справиться?

– Сложно объяснить, но я вроде как вляпалась в нехорошую историю.

– Что случилось, Роза? Чем я могу помочь?

Роза обвела взглядом опустевшее помещение и понизила голос:

– Все сложно. Я попала в беду. Но ничего страшного. – У нее зазвонил телефон. – Подожди секунду. – Она что-то напечатала и положила телефон на стол экраном вниз. – Честно говоря, я бы предпочла сейчас это не обсуждать. – Она вынула заколку и распустила волосы.

– Что происходит, Роза?

– Я не хочу говорить об этом. Не сейчас. Давай лучше посплетничаем – Она подала знак, чтобы принесли чек.

Вернувшись в номер, Роза сняла с себя одежду и растянулась на кровати. Через несколько минут она заснула.

Следующим утром, когда мы распивали за бранчем бутылку шампанского, Роза рассказала мне о Дэнни, которую называла «напыщенной шотландкой», о других студентах и о том, как все было до моего приезда. Еще Роза рассказала о своей матери, которую сильно любила и так же сильно ненавидела.

– Как здорово, что ты здесь! – произнесла она. – Мне очень не хватало друга, которому можно было бы довериться. Настоящего друга.

В голове мелькнула мысль обнажить перед ней душу и поделиться историей об Адриане, но я давно решила не ворошить прошлое.

– Я рассказала о тебе отцу, – продолжала Роза. – Вообще-то я все время о тебе говорю. Не хочешь поехать со мной домой на рождественские каникулы? Или у тебя другие планы? Собираешься повидаться с семьей?

– Я уже сообщила маме, что останусь здесь. У меня нет денег на билет до Штатов. К тому же если бы я поехала, мы с мамой просто смотрели бы друг на друга. Перспектива так себе.

– О, тогда ты просто обязана поехать со мной! Мы проведем праздники на лыжном курорте в Кортине. Мы – это мой папа, его подружка и несколько итальянских приятелей. Ты катаешься на горных лыжах?

– Нет.

– Я тебя научу! Ты просто обязана поехать с нами! Я настаиваю. О билетах не переживай. У меня накопилось много бесплатных миль.

– Это очень мило с твоей стороны, но я даже не знаю... У меня столько работы... К тому же ехать из одного холодного места в другое... Дай мне подумать об этом. – Я засмеялась: – Ты не притронулась к шампанскому!

– Тебе же больше достанется. Мне еще машину вести. К тому же у меня еще болит голова с похмелья.

Я не видела, чтобы Роза выпила больше нескольких глотков вина. На обратном пути она не захотела заезжать в замок. Да и вообще не горела желанием разговаривать.

– Я медитирую, – пояснила она.

Обратно мы ехали длинной дорогой, через город.

Роза высадила меня у дома, радостно помахала рукой и обняла на прощание. Сказала, что ужасно благодарна мне за то, что я провела с ней время. Остаток дня я работала.

Но только успела раздеться, как зазвонил телефон. Я взяла трубку.

– Это я, – сказала Роза.

– Привет.

– Спустишься вниз?

– Куда?

– Я здесь на твоей парковке!

– Все хорошо?

– Да. Хочешь искупаться?

– Прямо сейчас?

– Да. Хотела показать тебе ночной пляж, он просто восхитителен. Ночь безоблачная, можно увидеть звезды.

– Конечно, – согласилась я. – Звучит здорово.

Накинув на пижаму пальто, я спустилась вниз и увидела знакомую синюю машину. Роза передала мне банку пива, и я, потягивая напиток, слушала ее болтовню.

– Поскольку тебя не прельщает перспектива кататься на лыжах, я позвонила отцу и сказала, что мы с тобой поедem на несколько недель в Майами. У него есть квартира в Саут-Бич. Я покажу тебе все лучшие рестораны и клубы! Ты права: лыжи – это холодно. Зимой здесь и так отвратительно, а когда все разъезжаются – еще и пусто. Что скажешь? Если назовешь дату своего рождения, то я забронирую билеты онлайн. Тебе понравится, обещаю.

– Э-э... да, звучит здорово. 26 июля 1983 года.

– О, так ты лев! Обожаю львов! Надо будет рассчитать твою натальную карту. У меня неплохо получается.

Мы припарковалась напротив кафе «Замок», закрытого в этот час. Я вышла из машины. Облака над замком рассеялись, открыв полную луну. У горизонта светло-голубое небо перешло в темно-синий, и темнота понемногу расползлась. Наступила ночь.

Держась за руки, мы спустились к пляжу, и Роза остановилась, рукой показывая на ту часть замка, где был заключен Джон Нокс. Замок, спокойное море, сияющая луна, приглушенно светящейся звезды... до чего же красиво! На пляже Роза встала у меня за спиной и обняла за талию.

– Смотри! Это Большая Медведица, – прошептала она. – Или, как ее еще называют, Большой Ковш. А там, – она протянула руку к небу, – находится Полярная звезда. Все северное небо вращается вокруг нее, но она всегда остается на месте. – Я слушала Розу не прерывая.

– Полярная звезда всегда укажет потерявшемуся моряку путь домой. – Все еще стоя позади меня, Роза провела сначала по моей правой руке, а потом по левой. – Справа от тебя находятся восток, слева – запад. Каждый год первого мая студенты приходят сюда купаться, это традиция! Но я подумала, что нам и одним будет весело. – Роза сняла с себя свитер, джинсы и трусики. Лифчика на ней не было. Затем она побежала к морю, и я последовала за ней.

– А-а-а-а! – закричала Роза, войдя в воду. – Черт, как холодно! Заходи, – велела она. – Ощущения класс! – Энтузиазм, прозвучавший у нее в голосе, отозвался и во мне.

Я торопливо разделась и побежала к ней. Стоило мне окунуться в ледяную воду, как я словно очнулась – выскочила на берег и принялась искать пальто. Кожу словно покалывали тысячи иголок. Роза тоже выбежала из воды.

– Я никогда раньше не видела тебя обнаженной. У тебя прекрасное тело, – прошептала она. – Освежает, правда? Изабель, разве ты не чувствуешь себя такой живой? Изабель? Все хорошо?

Я плакала.

– Да, – выдавила я. – Так странно. Я счастлива. – Я всхлипывала, все мое тело дрожало. Я вытянулась во весь рост, посмотрела на звезды, на окружающий меня простор. – Я свободна! – громко крикнула я. Кроме нас с Розой, на пляже никого не было. – Я свободна, – уже тише повторила я.

– Ну-ну, тихо. – Роза обняла меня. Она была теплой. Я уже несколько месяцев не находилась так близко к другому человеку. – Все хорошо. Я здесь, с тобой. В машине есть полотенца. Я просто хотела, чтобы ты узнала, каково это. Прости, если я тебя расстроила. – Она взяла мою рубашку, помогла мне одеться и потерла меня по спине. Потом мы, смеясь, натянули на себя остальную одежду.

По дороге к машине я взяла Розу за руку:

– Я не рассказывала, но там, в Штатах, у меня кое-что случилось. Сейчас я снова чувствую себя живой. Большое тебе спасибо. Я счастлива, что приехала в Сент-Стивенс.

– Рада слышать. Мне нравится проводить с тобой время. И, честно говоря, я не сделала ничего особенного. Ты бы сделала для меня то же самое.

Мы вернулись в машину. Мы смеялись. Я не замечала холода, поэтому он меня не беспокоил. Я чувствовала прилив сил, даже эйфорию. Мне начинала нравиться новая я.

Глава девятая

До среды от Розы не было вестей.

В голосовом сообщении ее голос звучал бодро и позитивно:

«Как ты смотришь на то, что я попозже загляну с бутылочкой и чем-нибудь на перекус. В районе семи вечера? Наше купание было супер! Надеюсь, после ты приняла горячий душ. Чао, белла! Кстати, сегодня день моего рождения».

Закончив работу в библиотеке, я отправилась за продуктами. По дороге я заглянула на блошинный рынок и купила шарф для Розы. Кроме Чарльза гостей у меня не было. Сейчас по комнате были разбросаны бумаги, книги, пластиковые пакеты. На полу валялось несколько зернышек попкорна, которые я не заметила сразу. По углам собралась комья пыли, под диван, как оказалось, закатилась выпавшая из блистера таблетка. Пропылесосив ковер, я зажгла свечи. Стук в дверь раздался, когда на часах было 6:59.

Роза чмокнула меня в губы в знак приветствия, осторожно протиснулась в квартиру и осмотрелась, не стесняясь. Огромную сумку, похожую на винтажный чемоданчик, она устроила на полу, темное пальто в горошек опустилось на единственный стул, а сама Роза села на диван. Я принесла чашку картофельных чипсов.

Роза была одета в красное шелковое кимоно и черные легинсы. Никакого макияжа, лишь губы были накрашены ярко-красной помадой. Волосы были собраны в низкий пучок, из которого торчали блестящие кудрявые прядки, словно птичьи перышки. Роза с легкостью выглядела красивой в любом наряде, что, впрочем, никогда не удавалось мне. Я села на диван рядом.

Из сумки Роза достала бутылку виски «Лагавулин» шестнадцатилетней выдержки и два хрустальных стакана, которые издавали мелодичный звон, стоило им соприкоснуться.

Она плеснула немного виски в мой стакан, оставив свой пустым. Я же вручила Розе небрежно завернутый подарок.

– С днем рождения.

Глаза Розы расширились.

– Я обожаю подарки! – Она разорвала смятую оберточную бумагу. – Фуксия – мой любимый цвет, откуда ты узнала? О, Изабель, тебе не следовало беспокоиться о подарке. Моя мама любила носить шарфы. – Она поднялась и искусно повязала шарф вокруг шеи. Помолчав несколько секунд, Роза добавила: – Я так скучаю по ней. Мама удивительно легко справлялась с отцом, без нее он какой-то необузданный. А ты думала, почему я сейчас здесь, в Шотландии? – Она громко рассмеялась, коснувшись моей руки. – Но хватит обо мне. Как у тебя дела?

– Наконец-то работа над моей темой продвигается хорошо.

Роза отпустила мою руку и отвела взгляд.

– Лучше расскажешь мне подробности... завтра, когда виски выветрится. Сегодня я не в состоянии ясно мыслить. Эндикотт помогает? – Она наклонилась вперед и плеснула еще виски в мой стакан, хотя я сделала лишь глоток.

– Вроде того. Он сказал, что восхищается моей работой. Думаю, он доволен, что я не сменила тему.

– Ну я же говорила! Продолжай, не останавливайся. – Она указала на мой стакан. – Эндикотту пришлось нелегко, бедняге. Мадлен была его самым близким другом. Хотя, наверное, его самый близкий друг – Уильям. Думаю, Эндикотт все еще не отошел от утраты Мадлен.

– К слову о Уильяме, я давненько его не видела.

– Правда? Он много путешествует.

– Катрина так и сказала.

– Кто бы сомневался, – вздохнула Роза. – Она любит посплетничать. Я бы ей секретов не доверила. – Она дружески толкнула меня плечом. Потом снова села прямо, сцепив руки за головой. – А ты бы со мной поделилась?

– Чем?

– Секретами!

– Я, э-э-э...

– Ладно, давай по очереди. Сначала я. В прошлый раз, когда я была в Париже, я подцепила в клубе великолепную пару. Секс был просто невероятным! Теперь твоя очередь. – Заметив мою неловкость, Роза улыбнулась: – Да ладно тебе, у каждого есть секрет, необязательно большой.

Я дважды отхлебнула виски и на одном дыхании выпалила рассказ об Адриане. Взгляд Розы был полон сочувствия, она мягко положила ладонь на мое плечо.

– Спасибо, что доверилась мне.

– С тобой легко говорить, Роза. Спасибо, что выслушала.

– Не за что. – Она просияла. – Я готова официально признать, что люблю тебя больше всех в Сент-Стивенсе. Как я уже говорила, мне повезло, как и Монтеню: я нашла свою родственную душу.

Мы снова подняли стаканы и чокнулись ими, хотя стакан Розы был пуст.

– Мне нужно в уборную. – Роза, пошатываясь, скрылась в ванной комнате. Раздался звук открывающегося шкафчика, где я хранила лекарства, и Роза крикнула: – У тебя есть обезболивающее? А, вижу, есть. – Зашипел кран, струя воды ударила в раковину. Роза распахнула дверь и замерла в проеме. – Под раковиной я увидела пару пустых пузырьков из-под сильнодействующих лекарств. Изабель, ты серьезно?

– После разрыва с Адрианом мне было очень тяжело. Я перестала принимать таблетки сразу после приезда сюда, но сохранила пузырьки на случай, если понадобится их купить.

– Не смей травиться этой дрянью, – невнятно пробормотала Роза, держась рукой за косяк. – Ты не виновата в случившемся. Просто один кретин использовал тебя, вот и все.

– Я же сказала: с таблетками покончено.

– Хорошо. – Роза посмотрела на свой «Ролекс». – Мне пора идти, но ты все еще слишком трезва, дорогая. А мне хотелось бы, чтобы нам было одинаково весело.

Слегка покачиваясь, Роза плюхнулась на диван. Видимо, она выпила достаточно еще до прихода ко мне. Я снова отпила виски, и Роза воскликнула:

– Ой, я чуть не забыла! У меня для тебя есть небольшой подарок на новоселье.

Потянувшись к сумке, Роза извлекла из нее завернутую в позолоченную упаковочную бумагу коробку, перевязанную красной лентой.

– А я все удивлялась, что же ты таскаешь с собой. Это мне?

– Да, открывай скорее!

Из коробки я достала сине-белую фарфоровую вазу. Ее крышку венчал китайский мифический лев-страж. Ваза выглядела невероятно старой и хрупкой, возможно, она относилась к эпохе Мин.

– Она очень изящная, спасибо.

Роза подняла свой пустой бокал:

– Я дарю тебе ее в знак нашей особой дружбы. Внутри есть кое-что, но я категорически запрещаю тебе открывать вазу. Это наша капсула времени, откроем ее лет через пятьдесят, когда состаримся. Или если я вдруг умру раньше тебя, можешь открыть ее. А пока она украсит твою довольно унылую комнату.

– Благодарю. Ваза, безусловно, будет самым интересным предметом в этой квартирке. Хотя я сомневаюсь, что мне хватит терпения ждать пятьдесят лет.

– Обещай мне, иначе не отдам. Нашей дружбе недостает традиций и общих тайн. Плюс я знаю, что из нас двоих ты больше ценишь отложенное вознаграждение.

– Хорошо, обещаю. Мне нравится мысль о том, что мы откроем ее вместе, когда будем коллегами по кафедре гуманитарных наук в каком-нибудь университете, вспоминая старые добрые времена.

Роза поднялась, быстро коснулась губами моей щеки и крепко обняла, потом взяла пальто и, спотыкаясь, направилась к двери. Я поставила вазу на стол в гостиной. Часы показывали почти десять вечера, и вскоре я погрузилась в глубокий сон.

Глава десятая

На следующее утро я проспала и добралась до своего стола в библиотеке на два часа позже обычного. Боковым зрением я увидела приближающийся силуэт.

– Бу! – Я подпрыгнула от неожиданности. Это была Дэнни. – Не хочешь заглянуть ко мне в субботу? Я приглашаю друзей на день рождения. У меня лучшие вечеринки в этой тухлой деревне.

– С удовольствием, – ответила я. – Сообщи мне детали, и я буду.

На следующий день в библиотеке я встретила Мейрид.

– Хочешь пойти вместе на вечеринку Дэнни? Я переоденусь феей. Вчера как раз купила пару прозрачных крылышек в благотворительном магазине. Ты же идешь?

– Переоденешься феей? – удивилась я. – Катрина сказала мне, что вечеринка будет костюмированной.

Мейрид рассмеялась, пытаясь найти в кармане удостоверение личности:

– Костюмированная вечеринка и значит, что тебе нужен маскарадный костюм.

Укрывшись за своим столом, я позвонила Розе, но она не взяла трубку.

В субботу весь день сыпал снег. К тому времени, когда Мейрид встретила меня на парковке во дворе дома, уже стемнело. Порывистый ветер гонял снежинки.

Дэнни жила на Феншоу-роуд – самой шикарной улице Сент-Стивенса, в доме за средневековыми воротами. Свежий снег хрустел под подошвами ботинок. Когда мы подошли ближе, то поняли, что красная дверь приоткрыта.

Дэнни нарядилась пираткой: шляпа, корсет, короткая юбка, чулки в крупную сетку и кожаные сапоги выше колен. Она встретила нас в холле и обхватила руками, словно осьминог.

– Добро пожаловать, дорогие! Не забудьте, что сегодня вы – плохие девочки! – Она отступила в сторону, пока мы снимали верхнюю одежду. – Классные костюмы! – Она рассмеялась, но в голосе ее слышалась ирония. – Из, платье на тебе как со страницы модного журнала.

Мейрид надела розовое атласное платье – о таком мечтает каждая девочка, когда представляет себя принцессой. Сзади она прикрепила прозрачные поблескивающие крылья. Дэнни помогла их расправить и указала подбородком в глубь дома:

– На кухне можно найти что-нибудь выпить.

Я не узнавала никого из встреченных людей – все были в ярких костюмах и незнакомы мне.

– Интересно, кем оденется Роза? – задумчиво произнесла Мейрид. – А Шон придет? Люк?

– Шон сказал, что круг общения Дэнни – это «не его тусовка». Люк сказал, что у него другие планы. Теперь-то я их понимаю, – ответила я. – Не знала, между Катриной и Дэнни случаются размолвки.

– Катрина – ревнивая женщина. А ее лучшая подружка Дэнни устраивает шикарные вечеринки, где она – в центре внимания. – Мейрид сделала шаг назад и прикрыла глаза. – Здесь не стоит судить по обертке, иначе попадешь впросак. Кажется одно, а на деле – совсем другое.

– Хорошо сказано!

– Это из «Принцессы де Клев». Что верно описывало французский двор, то верно и для нашего университета.

На кухне Катрина в костюме молочницы раздавала напитки шумной толпе.

У самых дверей стояли Джефф и Берти, одетые как близнецы Шалтай-Болтай, и пили пиво из стеклянных кружек.

– Труляля и Траляля, – шепнула я Мейрид, и она засмеялась.

Берти толкнул Джеффа рукой:

– Ты знаешь, что они убили короля Эдуарда второго, засунув раскаленную докрасна кочергу ему в задницу?

Я поспешно от них отвернулась.

– Смотрите, это Изабель и Мейрид. – Берти подошел к нам. – Хотите выпить, девочки?

– Девочки? – усмехнулась я.

Мейрид толкнула меня локтем.

– Что ты пьешь? – спросила она Берти. – Похоже на сироп с мылом.

– «Gulden Draak». Тройной эль. Бельгийцы называют его шампанским Гента. Не для слабаков. Вам больше по вкусу фруктовые коктейли? – Он посмотрел на меня.

– Я попробую бельгийское пиво, – возразила я. – А ты, Мейрид?

Она кивнула.

Мы пошли за Берти в кладовую, и он достал бутылку пива из шкафчика.

– Попробуйте осилить одну на двоих. – Он откупорил пробку и дал ей упасть на пол. Джефф передал каждой из нас по стакану холодного пива. Вкус был хмельным и горьким, очень насыщенным и непривычным. Когда я попросила открыть еще бутылку, Берти и Джефф, казалось, удивились.

Я последовала за Мейрид в гостиную, лавируя между людьми.

Руководитель Дэнни Стю Карлссон в пластмассовом шлеме викингов с рогами стоял на коленях на старинном ковре у камина, пытаясь развести огонь.

– Все, сдаюсь, – пропыхтел он, вставая и вытирая пыль со штанов. Галантно сняв шлем, он представился: – Я Стю.

У него были вклоченные волосы, козлиная бородка и озорное выражение лица, которое могло бы быть привлекательным у другого человека.

– Мы встречались прежде, – напомнила я, когда он медленно и многозначительно пожал мне руку.

– Может быть, во сне?

– Пожалуй, для таких шуток еще немного рановато. – Я оглядела комнату в поисках кого-нибудь знакомого.

– Позвольте мне начать сначала, прекрасные дамы. – Он уставился на декольте Мейрид, а затем перевел взгляд на меня. – Где мои манеры? Хотите что-нибудь выпить? – Не дожидаясь нашего ответа, он направился в сторону кухни.

– Он руководитель Дэнни? – спросила Мейрид.

– Ага, – ответила я. – Будь осторожна. Слышала, что после выпивки он немного не в себе.

– О, не волнуйся, я в состоянии о себе позаботиться.

Через минуту Стю вернулся с бутылкой шампанского.

– Я пью пиво, – сообщила я, но Мейрид вылила свое недопитое пиво в большой горшок с геранью и протянула пустую кружку. Стю наполнил ее доверху.

– У тебя отличный, хоть и не совсем точный с точки зрения истории костюм, – заметил он, когда я повернулась к нему.

– Купила его на ярмарке Рена – решила, что мне будет в самый раз. – Я указала на его шлем. – У викингов никогда не было рогов на шлемах.

– Туше! – И он осушил свой стакан. Вытерев губы рукавом, он снова направился на кухню и вернулся оттуда с бутылкой водки.

– Нет, спасибо, – отказалась я, когда Стю подошел совсем близко и меня обдало его дыханием, в котором мешались разные оттенки алкоголя. Не слушая, он наклонил бутылку водки над моим стаканом прежде, чем я успела его отодвинуть. – Мы называем это Столи-Боли! – Я схватила свой стакан, и брызги водки окропили ковер.

– Лучше бы со мной поделился, – надувшись, буркнула Мейрид. Он наклонился к ней, чтобы прошептать что-то на ухо, а затем налил водки в ее стакан.

Дэнни и Катрина громко спорили за кухонной стойкой. Я обернулась – Катрина широким шагом бросилась прочь.

– Извини, – пробормотала она, наткнувшись на меня.

Дэнни разливала напитки для группы из четырех человек. Заметив мой взгляд, она спросила:

– Кто-нибудь видел Розу?

– Пропустить хорошую вечеринку – это на нее непохоже, – ответил кто-то.

На кухне было душно, и я вернулась в зал, пытаюсь найти в себе желание остаться еще ненадолго, хотя все, чего я хотела, это уйти.

В ванной комнате я вымыла руки и побрызгала лицо водой.

Пиво не справлялось с затянувшимися симптомами абстиненции, но другой алкоголь точно не поможет. Поднявшись наверх, я устроилась в тихом уголке, где почти час читала длинную статью о библиотеке Екатерины Медичи. Когда я спустилась в гостиную, Мейрид лежала на диване рядом с Карлссоном, а тот подливал ей водки. Я склонилась к уху Мейрид:

– Я устала, наверное, скоро пойду домой. А ты?

– Да ладно тебе. – Карлссон пьяно растягивал слова. – Ты же только пришла! Зачем спешить, выпей еще чего-нибудь.

– Я хочу поговорить с подругой. Дай нам минутку.

– Какого... – начал Стю, пытаюсь подняться с дивана, но спустя пару секунд снова рухнул на подушки. – Кстати, а где Роза? С вами совсем не весело...

Наконец Стю удалось встать, и он, перевалившись через бортик дивана, отошел. Мейрид откинула голову на спинку дивана.

– Кружится... Комната вращается.

– Пойдем, – велела я. – Вставай. Ты можешь переночевать на моем диване.

– Домой? – пробормотала она, закатив глаза к потолку, и подалась верхней половиной тела вперед. – Меня сейчас стошнит. – Она зажала рот руками. Я повела ее в ванную и через несколько секунд услышала, как Мейрид тошнит.

Джефф подошел к двери:

– Тут что, очередь? Мне нужно в туалет.

– Там занято.

Джефф наклонился и заколотил в дверь.

– Ты там скоро? – позвал он.

– Отвали, – огрызнулась я. – Не обращай на него внимания, Мейрид.

– Эй, ты гонишь меня практически из моего дома!

– Тогда ты должен знать, где находится другая ванная комната, – рявкнула я, и он наконец скрылся.

Я позвонила в службу такси. У диспетчера был сильный акцент жителя Глазго, который я едва разобрала, но мне удалось понять, что машина будет через пятнадцать минут.

Когда Мейрид вышла из ванной, видок у нее был потрепанный и пьяный. Я нашла наши пальто, и мы вышли на улицу. Машины еще не было, пришлось ждать целую вечность, дрожа от холода, пока не приехало такси. Я помогла Мейрид забраться в салон, и совсем скоро мы уже были дома. Я застелила диван, уложила на него Мейрид и укутала ее одеялом. На стол рядом поставила стакан воды и таблетки «Алка-Зельтцер».

– Если нужно, у меня есть таблетки для желудка.

– Да у тебя с ассортиментом лучше, чем в аптеках «Бутс», – пробормотала она.

– То ли еще будет, – улыбнулась я.

– Карлссон хотел, чтобы я поехала с ним домой.

– Я рада, что мы смылись с этой вечеринки. Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится. – Я направилась на кухню, чтобы вскипятить воду для чая.

– Изабель, – позвала Мейрид. – Спасибо.

Глава одиннадцатая

Через три дня спустя у здания исторического факультета появилась полицейская машина. Дверь в мой кабинет была открыта. Я вошла и увидела Мейрид. Она выглядела бледнее обычного.

– Что-то случилось? – поинтересовалась я, сквозь жалюзи глядя на машину снаружи.

– Они приехали из-за Розы, – громко прошептала она. – Никто не видел ее с вечеринки. Дэнни сообщила в полицию. Они с Розой договорились о встрече, но та не пришла. Дэнни несколько дней пыталась с ней связаться, но Роза не брала трубку и не отвечала на электронные письма. Тогда Дэнни пошла к ней домой – у нее есть запасной ключ. Все вещи, включая бумажник, на месте, но самой Розы нет. Полиция допрашивала меня. Они спрашивали и о тебе.

– Почему ты говоришь шепотом? – тоже шепотом спросила я.

Мейрид резко встала.

– Мне надо в библиотеку.

– Мейрид, стой! – позвала я, но она уже скрылась за дверью.

Со стола Розы – теперь моего стола – были убраны все книги, включая книгу на подставке.

Раздался стук в дверь.

Двое полицейских – мужчина с волнистыми рыжими волосами в штатском и женщина в форме – вошли, поочередно пожали мне руку и представились: старший инспектор Маккензи и инспектор Арнольдс.

– Не возражаете, если мы сядем? – обратился ко мне Маккензи.

Это был не вопрос.

– Прошу, – отозвалась я.

Полицейские отодвинули от стены два пластиковых стула. Я осталась стоять, даже не сняв рюкзак со спины.

– Какой из столов ваш? – поинтересовался Маккензи.

Переступив с ноги на ногу, я указала на свой стол.

– Раньше он принадлежал Розе. Розе Брюстер, – объяснила я, и полицейские разом повернулись ко мне.

– Мы понимаем, что вы заняты, но тем не менее хотели бы задать несколько вопросов.

– Что-то случилось? – спросила я.

– Мы полагаем, что да, – кивнул Маккензи, после чего продолжил: – Вы знаете Розу Брюстер?

– Да. Когда-то мы вместе учились в университете, но потом долго не общались. Мы снова увиделись в августе, сразу после моего приезда в Шотландию. Вскоре после этого Роза уехала в Париж.

– Мисс Брюстер часто уезжает в Париж?

– Она проводит исследование для своей докторской диссертации.

– Вы с мисс Брюстер близки? – продолжал задавать вопросы Маккензи, пока Арнольдс делала заметки в блокноте.

– Мы стали ближе, чем были во время учебы в университете. Тем более, что мы обе американки. Сами понимаете... – Я резко замолчала, поняв, что у меня задрожал голос.

– Когда вы в последний раз виделись?

– Почти неделю назад. В прошлую среду. Роза пришла ко мне домой. У нее был день рождения, она принесла бутылку виски. Ну, чтобы отпраздновать.

– Вы помните, в какое время мисс Брюстер пришла?

– Ровно в семь.

Маккензи кивнул Арнольдс, которая продолжала что-то записывать.

- Во сколько она ушла?
- Думаю, около десяти. Может, чуть раньше. С Розой что-то случилось?
- Вы общались после того вечера?
- Нет, – ответила я, качая головой. – Но Дэнни, – то есть Даниэль, сказала, что видела ее. Перед вечеринкой.
- Как мисс Брюстер выглядела в свой день рождения? – спросил старший инспектор. – Вы заметили в ее поведении что-нибудь необычное? Может быть, она говорила, что чем-то расстроена?
- Роза была в хорошем настроении.
- У меня в памяти всплыл наш разговор о том, чтобы поделиться тайнами.
- Значит, мисс Брюстер не выглядела взволнованной?
- Я покачала головой.
- Пожалуйста, отвечайте вслух, мисс... – Арнольдс посмотрела на свои записи и закончила: – Хенли.
- Мисс Брюстер говорила, куда собирается после того, как уйдет от вас? – осведомился Маккензи.
- Нет, – выпалила я, а потом добавила: – Нет, она не говорила, куда собирается после того, как уйдет от меня.
- Мисс Брюстер рассказывала вам о своих проблемах? С учебой, семьей или партнером, если, конечно, он у нее был?
- Семья Розы живет в Америке. Мать умерла, когда Роза была подростком, отца я никогда не видела, но по рассказам он был... чрезмерно заботливым. О партнере мне ничего не известно. Роза немного нервничала из-за предстоящей конференции, но в остальном была в хорошем настроении.
- После вечеринки кто-нибудь из ваших коллег упоминал о мисс Брюстер?
- Дайте подумать... нет, никто. Но у меня довольно ограниченный круг общения. Арнольдс что-то отметила у себя в блокноте.
- А что вы можете сказать о вечеринке? В тот вечер случилось что-нибудь необычное?
- Нет. Мы с Мейрид ушли рано. На следующий день я услышала, как кто-то сказал, что Роза так и не появилась. Но я решила, что она готовится к поездке.
- К поездке? Вам известно, куда она направлялась? – допытывался Маккензи.
- Арнольдс пристально посмотрела мне в глаза.
- Она говорила, что хочет уехать куда-нибудь за город, где ничто не будет отвлекать от работы.
- Вы сказали, что не получали от нее вестей целую неделю. Разве это необычно? По вашим словам, вы были близки.
- Порой Роза звонит по три раза в день, – произнесла я. – А порой молчит по три дня. Обычное дело.
- Вот как, – протянул Маккензи. Арнольдс тем временем снова принялась что-то записывать.
- Есть ли что-нибудь еще, что мы должны знать? Что может помочь нам в поисках?
- В ожидании моего ответа Маккензи скользнул по мне внимательным оценивающим взглядом. Я втянула живот и засунула руки в карманы. Мне нечего скрывать, так почему мне кажется, что я в чем-то виновата? Или это полицейская тактика, чтобы меня разговорить? А может, мне просто кажется?
- Я сказала первое, что пришло мне в голову:
- Кое-что показалось мне странным. На вечеринке присутствовал профессор Карлссон, единственный преподаватель, который пришел. Он опустил множество неуместных замечаний в наш с Мейрид адрес. Мы пожаловались на него. Заведующий кафедрой, профессор Энди-

котт, не упоминал об этом? Вы с ним разговаривали? Случившееся может быть связано с делом Мадлен Гранжье, профессора с кафедры истории, которая... недавно умерла.

Рот Маккензи быстро открывался и закрывался, как раковина моллюска.

– Сейчас мы не можем отвечать ни на какие вопросы, – сдержанно ответил Маккензи, кивнул Арнольдс и снова повернулся ко мне. – Спасибо за то, что уделите нам время. Пожалуйста, сообщите, если вспомните что-нибудь еще. Мы будем благодарны. – Он записал на клочке бумаги свой номер и протянул мне.

После этого полицейские снова пожали мне руку и вышли из кабинета. Арнольдс тихонько закрыла за собою дверь.

Я написала Роза сообщение:

«Ты где? Все думают, что ты пропала. Все хорошо?»

Немного позже я увидела Шона в комнате отдыха. Он был один и выглядел озабоченным.

– Карлссона увезли в полицейский участок на допрос. Говорят, у Мадлен Гранжье был роман с кем-то в кампусе. Возможно, с ним. Что произошло на вечеринке?

– Карлссон напился и вел себя по-хамски с Мейрид. Ничего не произошло, не волнуйся. Я увезла Мейрид домой.

– Слава богу.

– Мадлен меня удивляет. Не понимаю, что женщины находят в Карлссоне.

Шон громко хрустнул костяшками пальцев.

– Я провожу тебя сегодня домой.

Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Я подумала о том, чтобы связаться с Уильямом, но он до сих пор не вернулся из Парижа, куда его пригласили прочитать вступительную лекцию в одном из университетов. Я вспомнила тот вечер, когда мы с Уильямом пошли выпить. Мы едва знали друг друга, однако мне показалось, что между нами сразу возникло взаимопонимание. Возможно, я покажусь слишком навязчивой, если начну расспрашивать его о Розе.

Интересно, он вообще знает, что его ученица пропала?

Глава двенадцатая

На следующий день кафедра устраивала прием в честь профессора Макса фон Кайзерлинга и выхода его последней книги. Фон Кайзерлинг был человеком достаточно состоятельным. Он сумел добиться признания в академическом сообществе, несмотря на то, что отказался от университетской карьеры. Он стал уважаемым независимым ученым. Я прочитала все его книги и даже привезла одну с собой из Бостона.

В пять часов вечера я вошла в лекционный зал, где за напитками велись непринужденные беседы. Вскоре Грегори Пратт, постдокторант нашего факультета, который и организовал визит фон Кайзерлинга, постучал по своему бокалу. У Грегори были светлые волосы, подстриженные под каре, и все в нем было под стать прическе – ровным и прямым.

В формальной, но в то же время дружеской манере Грегори представил фон Кайзерлинга. Седовласый австрийский профессор оказался высоким и статным. Сшитый на заказ твидовый костюм-тройка, красные носки, начищенные до блеска дорогие туфли... Фон Кайзерлинг сказал всего несколько слов и, отмахнувшись от вопросов, попросил выпить.

Грегори держал наготове бокал с какой-то выпивкой – точно не вином – и, улыбнувшись, протянул профессору. Он продолжал что-то рассказывать, наклоняясь к фон Кайзерлингу все ближе и ближе.

Пока я наблюдала за этим странным танцем, кто-то позвал меня по имени. Эндикотт. Он стоял, перекинув пальто через руку.

– Профессор фон Кайзерлинг хотел, чтобы вы присоединились к нам за ужином. Он слышал о вашей работе.

– С удовольствием.

В гостинице «Говард Инн» был уютный паб с камином. Профессор фон Кайзерлинг, за которым тенью повсюду следовал Грегори Пратт, стоял у барной стойки. Когда толпа вокруг него поредела, я приблизилась к нему и представилась. Едва мы обменялись несколькими фразами, как подошел один из преподавателей и попросил подписать книгу. Я стояла и ждала, пока фон Кайзерлинг распишется. Грегори громко прошептал мне на ухо:

– Изабель, можно попросить вас не оккупировать нашего уважаемого докладчика? – Он широко улыбнулся, обнажив зубы.

– По словам Эндикотта, профессор фон Кайзерлинг хотел, чтобы я пришла.

Грегори проигнорировал меня и повернулся к фон Кайзерлингу:

– Сейчас мы пройдем на ужин, профессор.

Фон Кайзерлинг положил руку мне на поясницу и провел к главному столу. Он выдвинул для меня стул и только потом сел сам. Я почувствовала на себе взгляд Грегори.

– Летучий эскадрон Екатерины Медичи, – начал фон Кайзерлинг, держа бокал с прозрачной жидкостью, которую подливал ему Грегори. – Прекрасная тема, заслуживающая прекрасного ученого. Найджел сообщил, что вы – многообещающий новичок исторической школы.

– Для меня большая честь работать с людьми, чьи книги я читаю уже много лет. Включая вас.

– Я очень расстроился, услышав о Мадлен Гранжье. Она бросила вызов всему научному миру, встряхнула этот клуб стариков.

– Включая реальный мужской клуб, верно?

– Неужели? – Фон Кайзерлинг покачал бокал, перемешивая его содержимое, и сделал несколько глотков.

– Я что-то такое слышала. В любом случае, смерть профессора Гранжье стала трагедией как для университета, так и для меня лично. – Я пригубила стакан с водой, после чего добавила: – Хотя я рада возможности поработать с профессором Эндикоттом.

– Они соперничали, когда Мадлен только приехала. Готов спорить, сейчас Эндикотт об этом жалеет. – Фон Кайзерлинг внимательно посмотрел на меня, а потом огляделся по сторонам. – А где Роза Брюстер? – поинтересовался он, поднося к губам бокал, в котором, правда, уже ничего не осталось. – Она превосходный ученый. И неплохой собеседник. – Он опустил бокал.

– Мы с Розой подруги, – сообщила я.

– Тогда вы знаете, что она пишет диссертацию о Федерико Фальконе – значительной, но замалчиваемой исторической личности.

– Да, знаю. Роза рассказывала. Тема ее диссертации интересно перекликается с моей темой. Оказывается, Федерико Фальконе был женат на Терезе Дю Монтур, одной из фрейлин Екатерины, и владел одной из лучших вундеркамер¹ своего времени. Некогда эти коллекции диковинок показывали роль своего владельца, воспроизводя этот мир пусть и в микрокосмическом масштабе. Во время пышных застолий Федерико Фальконе с гордостью демонстрировал свои сокровища.

Подали первое блюдо – традиционный шотландский суп-пюре с пастернаком и картофелем. Фон Кайзерлинг продолжал говорить в перерывах между едой. Я ела и старалась выглядеть заинтересованной.

– Среди многочисленных богатств Федерико Фальконе была коллекция греческих медалей и этрусских саркофагов, а также комната, посвященная тому, что в то время считалось «современным искусством» – портретным миниатюрам, эмалированным шкатулкам с четырехлистником, математическим инструментам, астрономическим часам, механизмам и китайскому фарфору. В другой комнате хранились чудеса природы: окаменелые зубы акулы, кораллы, звездный рубин из Индии, обязательное чучело крокодила и даже усыпанный драгоценностями рог единорога, который, как мы теперь знаем, является бивнем нарвала. У Фальконе также был огромный изумруд – подарок одного из бразильских племен. Говорили, что в Южной Америке есть рудники, существование которых скрывали от европейцев. Эти рудники были гораздо богаче тех, которые в конце концов были обнаружены в Музо.

Занервничав, я отложила вилку в сторону. Наужели Роза рассказала фон Кайзерлингу о найденных ею письмах?

– О, вы только взгляните на эту вырезку! Удивительно, но в племени муиска, как и в ряде других племен, власть и статус передавались по женской линии. Во многих культурах пожилые женщины были пророчицами и самыми влиятельными членами общества. Например, реку Амазонку называли в честь древнегреческих воительниц. Власть принадлежала женщинам. Следующим вождем выбирался сын старшей сестры действующего вождя. Писатель шестнадцатого века Гарсиласо де ла Вега, сын принцессы инков и испанского конкистадора, писал об обществе, которое поклоняется Божественной Матери всего сущего, имеющей форму огромного изумруда. Во время праздников жители приносили изумруды, чтобы отдать дань уважения своей общей матери.

– Как интересно, – произнесла я, когда официант убрал мою тарелку. – Я не знала об этом. Однако Роза рассказывала о том, что...

– Любопытно то, – перебил меня фон Кайзерлинг, – что существует ошибочное мнение о Ренессансе как об эпохе жесткой сословной структуры – мол, человек скромного происхождения не мог стать землевладельцем. Это неправда. Федерико Фальконе достиг успеха, несмотря на то, что происходил из безродной семьи в Генуе. Он отправился на чужбину и переписал свою судьбу. Сам стал творцом собственной удачи.

¹ Комната чудес, или коллекция диковинок.

Мой собеседник сделал паузу, но у меня рту был кусочек липкого ирисового пудинга, и я ничего не могла сказать. Фон Кайзерлинг же пудинг есть не стал. Отодвинул от себя тарелку и взял рюмку с ликером, которую только что принесли.

– У нашего Федерико Фальконе была коллекция скелетов экзотических животных. – Он пригубил ликер. – А также коллекция когтей и плавников, которые он находил во время странствий.

– Звучит немного жутковато, – выдавила я.

– Конечно. Чем необычнее, чем страшнее и лучше – лучше для науки. Как вам известно, такие коллекции увеличивались благодаря открытиям экзотической фауны Нового Света – например броненосцев и цветных попугайчиков, – продолжил фон Кайзерлинг.

– Новый Свет не был таким уж новым для людей, которые там жили. Общества там были довольно развитыми...

– Семантика, моя дорогая! Вы такая забавная, Изабель. А вам известно, что в наши дни некоторые люди реконструируют коллекции великих исторических личностей? Я близко знаком с одним частным коллекционером, который владел единственной сохранившейся короной из перьев кетцала, некогда принадлежавшей знаменитому касику. Я говорю «владел», потому что эта корона вместе с его коллекцией буккери была конфискована и возвращена в Мексику. Ужасно, n'est-ce pas?

– Мне кажется, что такие вещи должны находиться у себя на родине.

– Да, это современная точка зрения. Но я уверен, что вы как историк хотели бы найти что-нибудь важное. Не отрицайте этого. – Фон Кайзерлинг дотянулся до моей рюмки с ликером, к которой я не успела притронуться, и залпом осушил.

– Вы когда-нибудь бывали в Вене? – поинтересовался он.

– Нет, но собираюсь.

– Если жизнь рано или поздно забросит вас на восток Австрии, то обязательно загляните в мой замок в долине Вахау. Я вас приглашаю. У меня есть сокровища, которые я хотел бы вам показать. Мой личный театр воспоминаний, более обширный, чем у Аби Варбурга. А вообще, давайте определимся с датой, и я все организую.

Грегори обошел стол, наклонился и что-то прошептал фон Кайзерлингу на ухо. Тот дважды кивнул.

– Понятно. Gewiss.

Грегори ушел, а фон Кайзерлинг слегка поклонился мне:

– Я вынужден удалиться. Прощайте, Изабель. Я желаю вам удачи. Надеюсь, у нас еще будет возможность встретиться.

С этими словами фон Кайзерлинг положил на стол свою визитную карточку, подождал, пока я встану, и удалился.

На следующий день я постучалась в кабинет Эндикотта.

– Входите, Изабель. – Не знаю, как он узнал, что это я. – Вы знали о том, что при французском дворе было принято скрестись, а не стучать?

– Да, знала.

– Подумайте о том, чтобы вернуть традицию.

– Я хотела поблагодарить вас за вчерашнее приглашение на ужин.

– Очень мило с вашей стороны, но это фон Кайзерлинг попросил меня вас пригласить. Наверняка вы пришли не только поэтому. Я вас внимательно слушаю.

Эндикотт не предложил мне сесть, поэтому я осталась стоять.

– Я хотела поговорить с вами о Розе. У вас есть какие-нибудь новости?

– Вы не первая, кто спрашивает. И я отвечу вам так же, как отвечал всем другим. Неразумно обсуждать исчезновение мисс Брюстер до того, как мы узнаем больше. Тем более, что сейчас у меня встреча со студентами. – Эндикотт кивком указал на дверь. – Вы согласны?

– Как скажете. Но происходит что-то странное. Сначала Мадлен Гранжье погибла, теперь вот Роза пропала...

Эндикотт просто кивнул. Не поворачиваясь к нему спиной, словно оказывая почтение, приличествующее монарху, я ушла. За дверью стояли трое студентов. Они пялились в экраны своих телефонов и даже не потрудились отойти в сторону. Протиснувшись мимо, я направилась в библиотеку. Там выяснилось, что мой межбиблиотечный абонемент из Эдинбурга еще не пришел, поэтому я отправилась домой.

В квартире было холодно. Я легла на диван, укрылась двумя шерстяными одеялами и, закинув ноги на подлокотник, погуглила фон Кайзерлинга в Интернете. Можно было бы попробовать договориться о рецензировании его последней книги, если я решусь прочитать все восемьсот страниц. Будет здорово пополнить мой список публикаций.

Я была знакома со многими, но не со всеми статьями фон Кайзерлинга. Он писал о Фальконе в статье «Der Palazzo de Falcone im Paris» для немецкой антологии, которая, судя по всему, была посвящена кабинету диковинок Федерико Фальконе. Роза должна была знать, что фон Кайзерлинг писал о Фальконе. Будь она здесь, можно было бы спросить. С исчезновением Розы моя жизнь в Сент-Стивенсе потускнела, теперь все казалось таким тихим и унылым. За два коротких месяца мы очень сблизились, и теперь я ужасно скучала по ней.

Я написала Розе на электронную почту: «Ты где?»

Неужели мне одной кажется, что исчезновение Розы и смерть Мадлен Гранжье связаны?

За окном послышался громкий шум, и сердце у меня в груди заколотилось как сумасшедшее. Я скинула одеяла, вскочила с дивана и выключила свет. Потом на цыпочках подошла к окну и, отодвинув две планки жалюзи, заставила себя выглянуть наружу. Единственным источником света был уличный фонарь. Косой ветер хлестал по дому струями дождя. Наверное, источником шума стала ветка, ударившая по оконному стеклу. Я стояла в темноте, боясь, что за мной кто-то наблюдает. От страха сдавило грудь, и я подумала о своих таблетках. Сейчас они бы не помешали. Но у меня их не было.

Я снова раздвинула жалюзи. На стоянке почти не было машин, и только одна стояла в дальнем углу – маленькая, темная. Синяя ли она? «Мини-купер»? Машина Розы? Нет, этого не может быть...

Той ночью нервы не давали мне уснуть. Сердце замирало каждый раз, когда мне казалось, что я слышу шаги. Каждый звук отдавался гулким эхом. Около четырех утра я села, наклонилась вперед и, вытянув шею, выглянула в окно. Парковка была пуста.

Глава тринадцатая

Несколько часов спустя слабые лучи утреннего солнца рассеяли тени моего воображения. Стыд, который я испытывала из-за Адриана, становился еще сильнее, когда некому было меня отвлечь. В последнее время голова болела и по ночам. Я давно перестала принимать лекарства, однако продолжала думать о них каждый день.

Стараясь выглядеть уверенной и открытой, я продолжала холить и лелеять переживания, которые копились внутри. Включая чувство вины. Теперь, когда Розы не было рядом, прошлое настигло меня вновь. Стоило на мгновение перестать думать о диссертации, как в голове всплывали воспоминания. Когда я пыталась заснуть, разум бурлил, как газировка, которая вот-вот выплеснется наружу. Как бы хотелось жить без забот и хлопот! Как Роза.

Было, однако, кое-что, что я ждала с нетерпением: поездка в Шотландское нагорье на выходных. Я подслушала, как Уильям говорит Катрине, что тоже собирается туда. У меня еще не было возможности обсудить с ним исчезновение Розы. Каждый раз, когда я хотела затронуть эту тему, рядом появлялись люди.

Когда Уильям написал мне с предложением встретиться за чашечкой кофе, я выждала пятнадцать минут, прежде чем ответить: «Давай через час?» Потом надела топ с глубоким, но приличным декольте и обтягивающие черные брюки, в которых мои ноги выглядели стройнее и длиннее. Уильям сидел в глубине кафе и улыбался.

– С возвращением. – Я села напротив.

На столике лежал сверток, обернутый белой бумагой и перевязанный красной лентой.

– Надеюсь, тебе понравится, – произнес Уильям.

Я взяла сверток и попыталась на ощупь понять, что внутри. Похоже на книгу. Я развязала ленту и осторожно развернула бумагу, чувствуя, что Уильям ловит каждое мое движение. Потом вытащила небольшую, размером в четверть обычной, книгу. Обложка из коричневой кожи с золотым тиснением в виде геометрических узоров и инициалами в центре. ТДМ. ТДМ? С обратной стороны обложки я обнаружила надпись, сделанную карандашом: «Album de Poésie, Thérèse Du Montour».

– Подожди... Это же...

– Это поэтический сборник Терезы Дю Монтур. Тебе нравится?

– Нравится – не то слово, Уильям. Я думала, такие книги хранятся в Национальной библиотеке или как минимум в частной коллекции...

– Она и будет храниться в частной коллекции. В твоей частной коллекции. Я наткнулся на эту книгу на небольшом французском аукционе на прошлой неделе. Надеюсь, что поможет тебе в твоём исследовании. Очень сомневаюсь, что Кристина Йи когда-либо видела эту книгу или даже ее копию.

– Вау, – только и смогла произнести я. Мои руки дрожали.

– Я рад, что тебе нравится, – сказал Уильям с широкой ухмылкой.

– Но... сколько она стоила?

Уильям покачал головой.

– Нельзя спрашивать о двух вещах: о цене подарка и о возрасте женщины.

– Справедливо. Надеюсь, ты не ограбил ради меня банк.

Уильям рассмеялся.

– Почему бы не сделать особенный подарок человеку, который сможет его оценить? Я не могу представить себе более достойного владельца, чем ты. И я тронут твоей заботой о моих финансах. Так уж получилось, что одна из моих близких подруг работает в аукционном доме в Нанте. Она рассказывает мне о потенциально выгодных сделках.

При мысли о том, что у Уильяма есть симпатичная французская подружка, я прикусила щеку.

– Большинство стихотворений из этого сборника тебе наверняка знакомы, но некоторые из них никогда не были опубликованы, а некоторые, возможно, написала сама Тереза. Она была весьма талантливой – возможно, даже непризнанным гением.

– Думаешь?

– Да, но мне интересно услышать твое мнение. Я бывал в городе, где она родилась, и видел ее могилу. Как-нибудь можем съездить туда вместе. Совершить своего рода паломничество.

Я изо всех сил старалась сдержать улыбку.

– Было бы здорово.

К нам подошла Катрина. Уильям пригласил ее присоединиться к нам, и я незаметно завернула книгу в оберточную бумагу и убрала в сумочку.

Дома я достала книгу и пролистала. Я и раньше знала, что Тереза Дю Монтур писала стихи, но и понятия не имела о существовании экземпляра ее поэтического сборника. Здесь были и любовные стихи, которые Терезе посвятили такие именитые поэты как, например, Ронсар и Дю Белль, и другие стихи, без авторства. Предположительно ее собственные.

Почти час я потратила на составление благодарственного письма. Написав окончательный вариант на бумаге для принтера, я вспомнила о Розе, и мое маленькое облачко счастья померкло.

Шон заехал за мной в девять утра в субботу. Первые полчаса мы разговаривали, потом я незаметно для себя задремала, а когда открыла глаза, то увидела, что зеленые пастбища сменились магазинчиками, где продаются килты для туристов и сдобное печенье. Я снова прикорнула и проснулась уже среди извилистых дорог и темных густых лесов. Казалось, из-за деревьев в любую секунду появятся Макбет и его супруга.

– Долго я спала? – поинтересовалась я.

– Часа три. Замок Макбета находится там, наверху. – Шон словно прочитал мои мысли.

– Есть хочешь? – спросила я, доставая из сумки два сэндвича.

Мы остановились на обочине и перекусили.

– Ты прекрасно готовишь, – заметил Шон, пока мы ели.

– Всю ночь не спала, пекла хлеб в дорогу, – пошутила я.

Вернувшись за руль, Шон глубоко вдохнул и быстро выдохнул.

– Давай перестанем игнорировать слона в комнате. Точнее говоря, в машине, – и, не дожидаясь моего ответа, продолжил: – Вы с Роза были... и остаетесь хорошими подругами, так?

– У нас есть общее прошлое, и здесь мы сблизилась. У нас много общего, пусть даже на первый взгляд мы кажемся совсем разными.

– Хм-м-м-м, – протянул Шон. – Роза вообще странная. Может, она объявится в эти выходные. Может, она просто решила над всеми нами подшутить.

– Что ты имеешь в виду?

– Роза довольно замкнутая, Дружелюбная, но держит окружающих на расстоянии вытянутой руки. Все от нее в восторге. Я циник, поэтому не принимай мои слова близко к сердцу, тем более, что вы подруги... но Роза всегда казалась мне фальшивкой.

– В каком смысле «фальшивкой»?

– Я уверен, что образ идеальной калифорнийской принцессы – не более чем маска.

– Это... гм... сурово.

– Некоторое время назад Роза спросила, читал ли я одну из ее статей. Статья была так себе. Я высказал свои замечания. Неделей позже на нашем семинаре она представила исправленную с учетом моих замечаний статью. Все преподаватели, включая Гранжье, наперебой

говорили о том, что Роза – гений. Пожалуй, фальшивка – неподходящее слово. Она манипулятор, готова на все ради победы. Однажды я встретил ее брата. Он сказал, что Роза либо добьется международного признания, либо сорвется. Третьего не дано.

– Хм-м-м-м... Роза точно не фальшивка. Все, что говорили о ней преподаватели и тогда, когда мы учились в университете, и сейчас, – правда. Она безупречно говорит по-французски, она исследует интересную тему. Некоторым людям удается все, за что они берутся. Отрицать это – значит завидовать.

– Хочешь сказать, что я завидую?

– Несправедливо осуждать человека за то, что он крутой.

– Еще она заигрывает со всеми подряд.

– С кем же?

– Со мной, Люком, Берти, Уильямом, Катриной, Дэнни. Даже с Эндикоттом! Не то чтобы Эндикотт обращал на нее внимание. Судя по всему, у нее был роман со Стю Карлссоном. Ты ведь знала об этом?

– Нет, и я не верю в то, что у них был роман.

– Говорят, в академических кругах образуются странные союзы, – заметил Шон. – Я и правда думаю, что вы с Розой совсем разные. С тобой легко общаться, ты чуткая. Я слышал, что после вечеринки ты присмотрела за Мейрид.

– Я переживала за подругу. Роза поступила бы так же.

– Как скажешь. – Шон пожал плечами.

Дорога, теперь покрытая тонкой корочкой льда, сузилась и стала серпантинном. Она была такой узкой, что, казалось, со встречной машиной мы просто не разведемся. Прошел час. Шон достал из козырька бумажную карту и попросил указывать ему путь. Я сказала, где надо повернуть налево, а потом направо, на грунтовую дорогу без опознавательных знаков. Через некоторое время мы оказались у кованых ворот, где висела табличка «Драммонд-хаус». Проехав через них, мы припарковались рядом с другими машинами и вышли.

Шон указал на покрытые снегом горные вершины, которые были едва видны в тусклом, рассеянном в тумане свете.

– Эти горы называются Кэрнгормс. Я на них взбирался. Там очень красиво.

Я рассмеялась, потому что едва могла что-то разглядеть.

– Поверю тебе на слово.

Ухоженная лужайка, дом из темно-серого камня... Трудно сказать, когда он был построен – в четырнадцатом веке или в девятнадцатом. Для студенческого отдыха выглядит идеально. Ручки на дубовой двери высотой в двенадцать футов не было, поэтому Шон толкнул ее. Дверь с грохотом распахнулась. Шон картинно махнул рукой, изображая поклон и приглашая меня войти первой.

– Похоже, нас уже ждут, – произнес он.

Мы вошли в устланный коврами холл. Вдоль стен стояли диваны в клетку, в углу находился камин, в котором неровно горело пламя – по помещению гулял сквозняк. Я хотела было закрыть дверь, но услышала звук подъезжающей машины. Шон вернулся на улицу, раздались голоса. Вскоре на пороге возник Берти. Он кивнул мне в знак приветствия. Следом, волоча громоздкий чемодан, появилась Катрина. Я поинтересовалась, не нужна ли ей моя помощь.

– Не волнуйся, я сильная девочка, – улыбнулась она.

За ней вошел Шон с рюкзаком на спине и моим тяжелым чемоданом на колесиках. Последним появился мужчина с рыжими волосами и такой же бородкой. Я закрыла тяжелую входную дверь, и мы представились друг другу.

– Добро пожаловать в «Драммонд-хаус»! Меня зовут Дункан. Мисс Хенли, ваша комната – первая на втором этаже, номер восемнадцать. Мистер О'Мэлли, вы в двадцать третьей. – Мужчина заглянул в планшет и повернулся к Катрине и Берти.

Шон не позволил мне нести чемодан по лестнице, поэтому мы пошли вместе, поднимая пыль на каждой ступеньке.

– Спасибо, – поблагодарила я, когда мы добрались до моей комнаты.

За туалетным столиком перед зеркалом сидела Мейрид. Она красила губы бежевым блеском для губ.

– Привет, соседка. – Она посмотрела на меня через зеркало. – Рыжеволосый мужчина сказал, что у нас проблемы с отоплением. Он ищет обогреватель.

Я посмотрела на сдвинутые кровати:

– Похоже, мы будем соседями не только по комнате. – Мейрид рассмеялась. Пока я распаковывала вещи, она спустилась вниз, к остальным.

Ковер, покрывало на кровати и выцветшие обои – все в нашей комнате было оформлено в различных оттенках розового. Разложив вещи, я растянулась на кровати и незаметно для себя заснула. Меня разбудил яркий белый свет.

– Ты спустишься на ужин? – спросила Мейрид.

– Сейчас...

Я надела шерстяные брюки и все три свитера, которые взяла с собой. Потом спустилась в обеденный зал, где за тремя большими столами сидели мои коллеги с исторического факультета. Каменные стены украшали олени головы с рогами. Из окон эркеров открывался вид на деревья, которые в свете луны отливали черно-синим. Я села между двумя незнакомыми мне студентками. За хаггисом² и олениной с черничным соусом мы разговорились. Джессика была американкой, только что защитившей диссертацию, а Мэри – третьекурсницей из Йорка.

Уильям сидел рядом с Джеффом за дальним столом. Когда настало время десерта, ко мне подошла Мейрид.

– К тому времени, как все допьют кофе, новички должны придумать вопросы для викторины. Дело за нами.

– Проще простого, – заверила я ее и, вернувшись в нашу комнату, достала из рюкзака блокнот и ручку. Мейрид уронила голову на руки. Я придумала все вопросы, кроме двух.

Студенты разбились на две команды, одну из которых возглавлял Эндикотт, а другую – Грегори Пратт. Вопросы были следующие:

Перечислите по порядку имена жен Генриха VIII.

Какая страна получила независимость от Кальмарской унии в 1523 году?

Какая английская правительница была известна как «Девятидневная королева»?

Фамилия какого художника эпохи Возрождения была Санти?

Кто в 1593 году изобрел термометр?

Под предводительством кого в 1519 году в Прованс вторглись берберские пираты?

Кто и почему разграбил Рим в 1527 году?

Команда Эндикотта опережала соперников на три очка, когда очередь дошла до моего вопроса о разграблении Рима.

Грегори вздохнул.

– До сих пор вопросы были составлены корректно, однако разграбление Рима в 1527 году – эпизод многогранный. Возможно, армия Священной Римской империи действовала по приказу императора Карла V, поскольку папа Климент VII встал на сторону враждебной Франции. С другой стороны, императорские войска не получали жалованья и имели в своих рядах немецких протестантов. Откровенно говоря, вопрос расплывчатый, а ответ можно интерпре-

² Шотландское блюдо из бараньих потрохов.

тировать по-разному. Лучше задавать конкретные вопросы с однозначными ответами. Давайте перейдем к следующему вопросу.

– Это ваш ответ? – спросил Эндикотт.

– Да. Но я бы предпочел перейти к следующему вопросу.

– Что ж, это справедливо, – кивнул Эндикотт. – Следующий.

Грегори повернулся к нам с Мейрид и, взмахнув рукой, отвесил театральные поклон.

После того, как игра закончилась ничьей, которая стала возможна только благодаря дисквалифицированному вопросу, мы отправились в бар. Ключи от комнат, прикрепленные к большому деревянным брелокам, мы оставили на столах.

– Даже не думайте заказать выпивку за счет соседа, – проворчал Эндикотт. Он присоединился к остальным и потягивал пиво, но не успела я допить первую порцию виски, как заметила, что он уходит. Мейрид разговаривала с Йеном о Бельгии и о впечатлениях Йена от жизни в Шотландии, поэтому не обратила внимание ухода Эндикотта – да и никто другой, казалось, не обратил. К часу ночи мы остались ввосьмером и распили пять бутылок виски. В какой-то момент зашел Дункан и извинился за то, что не нашел обогреватель. Я повернулась к Грегори Пратту и попыталась прикинуть, сколько ему лет. Возможно, немногим больше, чем Розе.

Никто о ней даже не упоминал. Может, это неуместно, пока идет расследование? У нас достаточно стресса из-за учебы. Добавить сюда переживания из-за потери одного из своих...

Сделав глоток виски, я, осмелев, подошла к Грегори. Он набирал сообщение в телефоне и улыбался – или ухмылялся, сложно сказать. Он не обратил на меня внимания. Тогда я налила виски в стакан и поставила на стол перед ним.

– Я угощаю.

– О, привет, Изабель, – отозвался Грегори. – Спасибо. Очень мило с твоей стороны. – Он сделал небольшой глоток, посмаковал виски во рту и поставил стакан на стол. – Должен воздать тебе должное за викторину. Один только вопрос о разграблении из Рима... Но неважно. Bravo, Изабель.

– Спасибо, Грегори. Очень рада, что вопросы тебе понравились. Я хотела спросить... ты хорошо знаешь Розу?

Грегори наклонил голову набок и прочистил горло, смерив меня напряженным взглядом. Потом сделал еще один глоток виски.

– Ну, Розу Брюстер, – настаивала я. – Ты же помнишь ее? Роза – пропавшая недавно докторантка нашего факультета. Красивая женщина. Многообещающий ученый. Как по мне, такую трудно забыть.

– Конечно же я знаю Розу. Не нужно драматизировать. Скорее всего, она уехала, чтобы заняться исследованиями. Или у нее заболел отец.

Я сделала глоток виски, выдерживая взгляд Грегори.

– Невероятная женщина, – продолжал он. – Палеограф, исследователь, выдающийся писатель и талантливый оратор. И, как ты сказала, просто красавица. Само очарование.

Я почувствовала укол неприятного чувства.

– В наш последний разговор Роза сказала, что сделала необычную находку, – добавил Грегори.

– Неужели?

– Находка связана с одним из представителей семейства Фальконе, который уехал в Бразилию по тайному поручению Екатерины Медичи.

Я придала лицу заинтересованный вид, стараясь не дать понять, что в общих чертах знаю эту историю.

– Борьба за господство в Атлантическом океане включала определенные этапы на территории Нового Света под руководством лучших адмиралов, некоторые из них были генуэзцами. Этот самый Фальконе вел торговлю с местными жителями – обменивал лошадей и огнестрель-

ное оружие на ценные вещи, золото, драгоценности, нефрит из Центральной Америки и... – Грегори сделал еще один глоток виски, а затем его взгляд встретился с моим. – Даже экзотических животных, таких, как попугаи. – Немного помолчав, он продолжил: – В конце концов испанские войска поймали людей Фальконе, но самому Фальконе удалось бежать. Он вернулся во Францию, прихватив с собой одну вещицу – изумруд необычайно редкого цвета и размера, и, что нехарактерно для таких камней, почти безупречный.

Почему Роза поделилась своим тайным открытием с Грегори Праттом? Скорее всего, фон Кайзерлинг поведал ему ту же историю, которую я недавно услышала за ужином.

– Что с ним случилось? – спросила я, наклонив голову набок.

– Разговоры об изумруде то разгорались, то утихали. Якобинцы утверждали, что нашли его во времена Французской революции, вскрыв гробницы неких дворян. Немцы говорили, что перевезли изумруд во время оккупации Франции. Некоторые уверены, что изумруд и по сей день находится во владении семейства Фальконе, в их коллекции в Генуе. Поверить не могу, что ты никогда не слышала об этой истории.

– Роза упоминала об изумруде, но только вскользь.

Грегори закатил глаза, и я спросила:

– Неужели все на кафедре знают об изумруде? А если нет, то почему Роза рассказала тебе?

– Как я уже говорил, мы были... – Грегори замолчал и поправил себя: – И остаемся друзьями. В любом случае, я давно узнал об изумруде. Но никому не известно, что с ним случилось. Даже Розе.

Я взяла со столика свой бокал, но он оказался пуст. Грегори, должно быть, принял это за незаинтересованность.

– Захватывающая история?

– Да. – Я, зевнув, положила руки на стол, словно собираясь подняться. В эту секунду к нам подошел Шон, и я произнесла: – Грегори говорит о том, как ему понравилась викторина.

Грегори встал.

– О да. Но теперь мне, пожалуй, пора. Хорошего вам вечера. И спасибо за виски. – Он повернулся и ушел.

– Я едва на ногах стою, – заявил Шон. – Тебя проводить?

– Мне хочется постоять у огня и согреться, прежде чем отправиться в холодную комнату, – проговорила я. – Но спасибо.

Я проводила Шона взглядом.

Все это время я как можно незаметнее следила за Уильямом, но в какой-то момент он вышел из бара. Часы пробили час ночи. Я подняла голову и увидела, как Уильям направляется ко мне. Приблизившись, он наклонился и прошептал мне на ухо:

– Говорят, что в «Драммонд-хаусе» водятся привидения. Возможно, тебе понадобится защита.

– Ты полагаешь, что я верю в призраков, но я не верю, – прошептала я в ответ.

– Необязательно верить мне на слово. Дункан может порассказать нам много чего интересного. – Уильям вышел из бара и вернулся с Дунканом. Потом постучал по бокалу, привлекая к себе внимание. Я села рядом с Дэнни, и Уильям объявил: – Сейчас Дункан расскажет нам о призраках «Драммонд-хауса»!

Щеки Дункана покраснели, и он пробурчал:

– О, сэр, лучше не копаться в старых делах...

– Все присутствующие – историки, Дункан. Мы заслуживаем фактов. Прошу вас.

Шотландец секунду или две буравил Уильяма взглядом и, вздохнув, начал свой рассказ:

– Много лет назад... наверное, века два с тех пор минуло... В общем, жила-была прекрасная дева. Она была католичкой, и был у нее жених – храбрый шотландец. И вот собрались

в «Драммонд-хаусе» их семьи и родственники, чтобы отпраздновать свадьбу. Когда жених и невеста произносили клятвы, в часовню ворвались английские солдаты. Схватили будущего мужа и сорвали с него килт. – Дункан опустил голову. – Они повесили его на глазах у гостей, как предателя, – торопливо пояснил он. – Потом отвели невесту сюда, в «Драммонд-хаус», и проделали с ней ужасные вещи. Бедняжка слегла и через несколько дней умерла от горя. Призрак ее по сей день бродит по коридорам в поисках своего потерянного возлюбленного. На прошлой неделе старое пианино заиграло мелодию, которую никто раньше не слышал. Иногда в помещении можно почувствовать поток холодного воздуха, хотя все окна закрыты. Порой кажется, что свистит ветер, но на самом деле это плачет мертвая невеста. – Дункан замолчал.

Случайно или нет, но в следующую секунду по залу пронесся ветерок, и мои руки покрылись мурашками.

Присутствующие заплотировали, и Дункан со смущенным видом ушел из бара.

– Думаете, это правда? Здесь и правда водится привидение? – спросила я.

– Мы в Шотландии, милая. – Дэнни посмотрела на меня. – Во всех здешних замках водятся привидения.

Уильям перешел на другую сторону бара и вышел из помещения.

Катрина, которая сидела на большом диване, положив ноги Берти и Джеффу на колени, жестом позвала меня к себе. Они смеялись.

– Давай поболтаем.

Взгляд у Катрины был остекленевшим. Я впервые видела ее пьяной. Она опустила ноги на пол, придвинулась ко мне и положила руку мне на колено.

– Ты выглядишь такой невинной. Это место еще не развратило тебя? – Она ухмыльнулась, обнажая ровные белые зубы.

– «Драммонд-хаус»? Мы же только приехали.

– Нет, глупышка. Я говорю о Сент-Стивенсе. – Катрина хлопнула себя по бедру. – У меня предложение! Давайте поиграем в «Я никогда не»? Сейчас самое подходящее время. Что скажете? – Она встала и подошла к бару. Йен, извинившись, ушел спать. Люк последовал его примеру.

Катрина принесла мне стакан и бутылку виски, плеснула немного янтарной жидкости сначала в наши стаканы. Потом обошла стол, подливая виски остальным.

– Все за счет Дэнни! – объявила она.

– Если мы будем играть в «Я никогда не», то ты вылакаешь всю бутылку, потому что нет ничего, чего ты не делала. Да и вообще никто не в настроении играть. – Дэнни обратилась к Катрине, которая тем временем подливала ей виски.

– Можно подумать, ты у нас скромница! Ты просто не хочешь, чтобы кто-нибудь еще знал о ваших с Джеффом делах, – произнесла она громким шепотом, чтобы все слышали.

– Отвали, – огрызнулась Дэнни.

– Где же Роза, заводила всех вечеринок... – вздохнул Джефф.

– Будь Роза здесь, то оплатила бы всю выпивку, – уже заплетающимся языком пробормотал Берти. – У меня предложение! Давайте прикинем, где она может быть. Я выскажусь первым. Думаю, что Роза сейчас в своем особняке в Беверли-Хиллз. Это объясняет, почему она пишет диссертацию в два раза дольше, чем следовало.

– Я думаю, что Роза... – Дэнни допила виски и посмотрела на меня. – В национальной программе защиты свидетелей.

Катрина осушила свой стакан и взяла бутылку. Мы все пили молча.

– Скука смертная. Давайте не будем говорить о Розе, – предложила Катрина. – Какой в этом смысл?

Я уже собиралась ответить, когда Берти выгнул бровь и сказал:

– Ты никогда не хочешь говорить о Розе. Ни со мной, ни с кем другим. Почему? Вы что, поссорились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.